

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 11

2019

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Редакционная коллегия

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

К.И. Бринев, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет, Алтайское краевое законодательное собрание

Модераторы журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv@filo.asu.ru

Адрес сайта журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl/index>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

СОДЕРЖАНИЕ

Правовая коммуникация	
<i>Е. Г. Зейдлиц</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ	5
Язык права	
<i>Н. В. Тыдыкова</i> ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ НАСИЛИЯ В СТАТЬЯХ УК РФ	11
<i>А. А. Васильев, Ж. И. Ибрагимов, Р. В. Насыров, И. Н. Васев</i> ТЕРМИН «ЦИФРОВОЕ ПРАВО» В ДОКТРИНЕ И ПРАВОВЫХ ТЕКСТАХ	15
<i>Л. В. Попова</i> ПОНЯТИЕ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ЯЗЫКЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	19
Лингвоэкспертология	
<i>Е. Л. Дайлоф</i> О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ ПОНЯТИЯ «МАСКИРОВКА» В КОНТЕКСТЕ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	24
<i>Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, А. П. Чудинов</i> АНАЛИЗ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РАМКАХ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ	29
История и современное состояние юрислингвистики в различных странах мира	
<i>М. М. Мушнина</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ГЕРМАНИИ	33

CONTENTS

Legal Communication	
<i>Zeidlits E.G.</i> SOME FEATURES OF INTERROGATION IN TRIAL JURY ACCORDING TO LEGAL LINGUISTICS	5
Language of Law	
<i>Tydykova N.V.</i> TOWARDS THE "CRIME OF VIOLENCE" DEFINITION IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	11
<i>Vasilyev A. A., Ibragimov J. I., Nasyrov R. V., Vasev I. N.</i> THE TERM "DIGITAL LAW" IN DOCTRINE AND LEGAL TEXTS	15
<i>Popova L.V.</i> CONCEPT OF GOOD FAITH IN THE LANGUAGE OF THE RUSSIAN LAW: HISTORY AND PRESENT	19
Forensic Linguistics	
<i>Dailof E.L.</i> "DISGUISE" MEANING IN FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE	24
<i>Budaev E.V., Voroshilova M.B., Chudinov A.P.</i> THE ANALYSIS OF THE PRECEDENT EXPRESSION WITHIN FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE: RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE	29
History and Current State of the Forensic Linguistics in Different Countries	
<i>Mushchinina M.M.</i> LINGUISTIC EXPERTISE IN GERMANY	33

Некоторые особенности допроса в суде с участием присяжных заседателей с точки зрения юрислингвистики

Е.Г. Зейдлиц

*Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал
91014, Санкт-Петербург, ул. Чехова, д. 8, кв. 14. E-mail: zeidlits@yandex.ru*

В статье обосновывается необходимость уяснения положений уголовно-процессуального закона с точки зрения юрислингвистики, а также адаптации правовых терминов и действий для обычных граждан, которыми являются присяжные заседатели, в том числе при постановке вопросов при допросе и для вынесения вердикта.

Для решения этой проблемы предлагается обеспечить сочетание дискреционных полномочий судьи по формулированию вопросов с предоставлением сторонам возможности ознакомления с письменными вопросами присяжных заседателей, а также возможности возражения в случае необоснованного их отведения председательствующим судьей. Кроме того, требуется уточнение требований к содержанию напутственного слова председательствующего и предоставление присяжным заседателям решения единственного вопроса о виновности либо невиновности подсудимого.

Ключевые слова: присяжные заседатели, допрос, уголовный процесс, юрислингвистика.

LEGAL COMMUNICATION

Some features of interrogation in trial jury according to legal linguistics

Zeidlits E.G.

*Russian State University of Justice; North-West Branch
191014, Saint Petersburg, Chekhova St. 8-14. E-mail: zeidlits@yandex.ru*

The article discusses the necessity of understanding the provisions of the criminal procedure law from the point of view of legal linguistics, as well as the adaptation of legal terms and actions, including the formulation of questions during interrogation and for the verdict, for ordinary citizens, who may act as jurors.

To solve this problem, it is proposed to ensure a combination of discretionary powers of the judge to formulate questions with giving the parties the opportunity to familiarize themselves with the written questions of jurors, as well as the possibility of objection in case of unjustified exclusion of these by the presiding judge. In addition, it is necessary to clarify of the requirements to the content of the instruction given by the presiding judge and addressing the assizers the only question about the guilt or innocence of the defendant.

Key words: assizers, interrogation, criminal court proceeding, legal linguistics.

Как известно, суды присяжных в России имеют непростую историю. Первые суды присяжных в Царской России открылись в 1866 году, в соответствии с Судебными Уставами 1864 года распространили свою деятельность только на 10 губерний центральной России, причина – недостаток квалифицированных юристов для создания общих

судов в каждом уезде [Казанцев 1991: 12]. поэтапное распространение судов присяжных в Царской России до всей территории не было доведено, и в 1917 году суды присяжных были упразднены (Декрет СНК РСФСР «О суде» №1 от 24 ноября 1917 года). В Российской Федерации суд присяжных вводился поэтапно с 1 ноября 1993 года, и в отличие от Царской России распространен на всей территории страны. Кроме того, с 1 июня 2018 года суд с участием присяжных заседателей введен и действует не только в областных, краевых, городских и приравненных к ним судах, но и в районных судах, гарнизонных военных судах (Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей»).

Исполнилось ровно 25 лет с момента проведения первого в истории послереволюционной России судебного процесса с участием присяжных заседателей, который состоялся 15-17 декабря 1993 года в Саратовском областном суде [Первый..., URL]. С того времени положения закона о рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей претерпели значительные изменения. Так, первоначально правовое регулирование обеспечивалось специальным разделом (X) УПК РСФСР (Закон РФ от 16.07.1993 № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»). С 2002 года действуют положения главы 42 УПК РФ «Производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей» и, к сожалению, нельзя с уверенностью сказать, что изменения положений закона о судопроизводстве с участием присяжных заседателей привели к совершенствованию суда присяжных.

Первые годы возрождения суда присяжных в России сопровождалось изданием Летописи суда присяжных (прецедентов и фактов), в которой отражались отчеты обо всех процессах с участием присяжных заседателей в Ивановском, Московском, Рязанском, Ростовском, Саратовском и Ульяновском областных судах, а также в Ставропольском, Алтайском и Краснодарском краевых судах, что позволяло наиболее полно освещать деятельность созданных судов присяжных. Это обеспечивало наибольшую законность и демократичность рассмотрения дел с участием присяжных заседателей, по сути, повторяя исторический опыт Царской России, ранний период развития суда присяжных и всей пореформенной судебной системы [Казанцев 1991: 18].

Стоит отметить, что рассмотрение дел судом с участием присяжных заседателей во многом отличается от традиционного уголовного судопроизводства. Это требует от каждого участника такого процесса тщательной подготовки с учетом использования на каждой стадии судопроизводства юридических терминов и их объяснения присяжным, не обладающим профессиональными юридическими знаниями.

Одним из таких юридически важных действий является допрос в судебном следствии. В данной работе хотелось бы остановиться на особенностях его проведения при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей с точки зрения юрислингвистики. В частности, представляется необходимым рассмотреть особенности участия присяжных заседателей в допросе свидетелей, потерпевших, экспертов и других участников судебного разбирательства. Заслуживает внимания и вопрос представления результатов допросов указанных лиц в напутственном слове, с которым профессиональный судья обращается к присяжным заседателям. Также вызывает интерес вопрос о пределах и способах осуществления дискреционных полномочий профессионального судьи при постановке вопросов перед присяжными заседателями.

К числу задач настоящей работы не относится задача показать результат допроса свидетелей и других лиц с точки зрения его значения для представления наиболее четкой информации о событии преступления, или для установления достоверных фактов по делу, а также для подтверждения либо ослабления позиции обвинения или защиты. Результат допроса свидетелей и других лиц помогает в некоторых случаях выявить и показать присяжным ложность чьих-либо показаний, которые нередко влияют на результат дела.

При этом вывод о ложности чьих-либо показаний зачастую невозможен без всестороннего исследования сведений о допрашиваемом лице. Как правило, имеющихся сведений о возрасте, образовании и профессии бывает недостаточно для составления психологического портрета, хотя данная информация и становится предметом для размышления. В связи с этим одной из ключевых проблем в суде с участием присяжных заседателей является решение вопроса о допустимости или недопустимости исследования данных о личности свидетелей и потерпевших. В некоторых случаях полная информация может подорвать доверие к их непосредственным показаниям, т.е. повлиять на оценку достоверности этих показаний. При этом оценка достоверности показаний относится исключительно к компетенции присяжных заседателей. Более того, возникает проблема выяснения в присутствии присяжных заседателей причин дачи различных, с существенными расхождениями, показаний на предварительном следствии и в суде при непосредственном допросе.

Известно, что личное присутствие допрашиваемого обеспечивает восприятие и формирование выводов не только на основе содержания произнесенных им вслух слов, но и с учетом иных форм подачи материала - его внешнего вида, пауз, жестов, дикции и т.п. Напомним, что в суде с участием присяжных заседателей крайне важно тактически правильно не только задавать вопросы, но и направить рассказ допрашиваемого по определенному руслу для выяснения наиболее важных фактических обстоятельств дела. Большое значение, как представляется, имеет установление психологического контакта при допросе между тем, кто ведет допрос, и допрашиваемым лицом. Результат рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей в большой мере будет зависеть от уровня развития навыка судебного речеведения у профессиональных участников процесса (в первую очередь, судьи, государственного обвинителя, защитника).

С точки зрения оценки продуктов речевой деятельности в судебном разбирательстве интерес представляет не только содержательная сторона (информация, зафиксированная в речевом сообщении, тексте), имеющая значение для правильного разрешения дела, но и формальная сторона, отражающая языковую, функционально-стилистическую, индивидуально-речевую характеристику текста. Таким образом, важнейшим источником доказательств в судопроизводстве выступают результаты речевой деятельности в виде речевых произведений (текстов, фонограмм, переговоров, сообщений, документов), фиксирующие те или иные сведения о фактах, имеющие значение для правильного разрешения конкретного уголовного дела [Галяшина 2015: 38-40].

Стоит отметить, что судебное следствие, в широком смысле слова, представляет собой закономерное продолжение предварительного следствия. Однако в отличие от традиционного судопроизводства по уголовным делам, в суде с участием присяжных заседателей результаты допросов (как устной речи, «живого слова») существенно преобладают по своей значимости над письменными доказательствами, собранными на досудебной стадии. Искусство судебной речи, в том числе речевое убеждение присяжных в правоте своей позиции, в состязательном судебном процессе ведет к успеху одной из сторон.

Попытаемся разобраться в том, имеется ли речевое взаимодействие между присяжными заседателями и допрашиваемыми лицами, между присяжными заседателями и сторонами обвинения и защиты, а также между присяжными заседателями, с одной стороны, и профессиональным судьей, с другой.

Для ответа на поставленный вопрос потребуется раскрыть три составляющие, одна из которых связана с участием присяжных заседателей в допросе путем постановки вопросов перед допрашиваемым лицом. Присяжные заседатели в соответствии с законом фактически «неговорящие судьи факта». Они не могут задавать вопросы непосредственно допрашиваемым лицам, лишь через председательствующего, профессионального судью. Подтверждением указанного является и сложившаяся судебная практика. Так, одним из оснований отмены оправдательного приговора в отношении Титова в 2003 году Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации стало то, что вопреки требованиям закона, присяжные заседатели, не соблюдая письменную форму, непосредственно задали подсудимому 10 вопросов. Судебная коллегия посчитала, что «наличие таких существенных нарушений могло повлиять на правильность принятого присяжными заседателями решения» [Обзор..., URL].

Вопросы от присяжных заседателей в обязательном порядке проходят два этапа:

- 1) присяжные заседатели сами излагают свои вопросы в письменном виде и подают председательствующему через старшину;
- 2) эти вопросы формулируются председательствующим и могут быть им отведены как не относящиеся к предъявленному обвинению.

Как видно, на втором этапе председательствующий, профессиональный судья, выступая в роли посредника, в процессе формулирования вопроса может каким-либо образом переосмыслить вопрос и сформулировать по-своему, осознанно или нет субъективно искажив содержательную сторону вопроса. Очевидно, что это может иметь значение для восприятия присяжными полученных ответов и, как следствие, воздействовать на них. Во избежание искажения смысла заданных присяжными вопросов полагаем необходимым обеспечить сочетание дискреционных полномочий судьи по формулированию вопросов с предоставлением сторонам возможности ознакомления с письменными вопросами присяжных заседателей, а также возможности возражения в случае необоснованного их отведения председательствующим судьей. В настоящее время данный момент упущен в законодательстве (см. ч. 4 ст. 335 УПК РФ).

Встречается заслуживающая внимание точка зрения, в соответствии с которой судебный процесс сравнивается с театральным действием, напоминающим спектакль, не в последнюю очередь в связи с четким распределением ролей его участников, известных им заранее. При этом ориентирование происходит непосредственно на присяжных заседателей, которые могут и не обратить внимания на важные для профессионалов обстоятельства. Несомненно, юридическая подготовка (в том числе по использованию лингвистических средств правоприменительной деятельности) профессиональных участников процесса к исполнению своих ролей превосходит знания и навыки тех, кто попал на роль «неговорящих» судей, для которых не предусмотрен законом даже определенный образовательный ценз. Однако их роль связана с каждым профессиональным участником процесса, в том числе председательствующим профессиональным судьей, ограниченным по закону решением лишь процедурных вопросов. Преимущественно роль свидетеля заключается исключительно в предоставлении ответов на поставленные вопросы, а роль государственного обвинителя и защитника, наоборот, сводится к формулированию вопросов и последующему интерпретированию полученных ответов. Роль профессионального судьи связана с обеспечением всех нормативно закрепленных принципов отправления правосудия, в том числе презумпции невиновности, состязательности сторон в судебном разбирательстве; в предоставлении права на реализацию права на защиту, а также с учетом пределов судебного разбирательства. Контроль и структурирование судебного процесса со стороны профессионального судьи реализуются за счет широкого применения метакоммуникативных средств языка, разные комбинации которых организуют судебный дискурс как институционально регламентированный процесс. Судья находится в центре рассуждений, доводов сторон, т.е. судебного процесса как драматического действия, насыщенного вербальными и невербальными ритуальными элементами. Общая обстановка в зале суда, создающая ритуализированное пространство, особая одежда судей (мантия) и их символическая удаленность на некоторой возвышенности от других участников процесса образуют невербальный компонент судебной драмы. Вербальная сторона драмы состоит в использовании судьей и другими участниками судебного заседания строго

регламентированных обращений, устойчивых речевых формул, лексики с официально-деловой стилистической окраской и юридической лексики, сложного синтаксиса [Дубровская 2016: 129-130].

Таким образом, несмотря на большую свободу речевых действий в сравнении с иными участниками, речевое участие судьи сконцентрировано на подведении итогов судебного разбирательства, резюме, то есть на произнесении напутственного слова.

Напутственное слово председательствующего судьи, при котором результаты допросов передаются присяжным заседателям, относится к другой составляющей ответа на поставленный в статье вопрос. Судопроизводство с участием присяжных заседателей обеспечивается большим количеством участников судебного разбирательства, и зачастую звучит множество монологов, рассказов, речей участников процесса. Ключевой фигурой в центре выступает профессиональный судья. Поэтому от его языковой и, шире, коммуникативной компетенции зависит эффективность протекающего полифоничного коммуникативного процесса.

Перед удалением присяжных заседателей в совещательную комнату для вынесения вердикта председательствующий по делу судья в своем монологе – напутственном слове – подводит итоги, чем фактически завершает все судоговорение в процессе. В напутственном слове профессиональный судья напоминает присяжным заседателям в том числе об исследованных в суде доказательствах как уличающих подсудимого, так и оправдывающих его, не выражая при этом своего отношения к этим доказательствам и не делая выводов из них. Обратим внимание на использованный законодателем термин «напоминает» (п. 3 ч. 3 ст. 340 УПК РФ). На наш взгляд, средства юридической техники здесь не применены должным образом. Результатом становится неточность определения пределов и способа осуществления дискреционных полномочий профессионального судьи.

Напоминание – это текст, представляющий собой извещение, уведомление, обращенное к кому-либо, с целью освежить в чьей-либо памяти что-либо, заставить вспомнить о ком-, чем-либо [Бабенко URL]. Судебная практика сводится к тому, что профессиональный судья по существу пересказывает содержание доказательств, в том числе показания допрошенных лиц, как свидетелей, так и потерпевших. Проблема заключается в невозможности достаточно четко передать в форме пересказа результат допроса, как свидетелей, так и потерпевших, поскольку изложение «живого» диалога всегда затруднено, в сознании содержание показаний закрепляется субъективно, а в пересказе часть информации может быть утрачена.

Таким образом, судья фактически систематизирует общедоступные фразы и выражения, которыми пользовалось допрашиваемое лицо, при этом отдельные фрагменты полученной информации субъективно истолковываются с учетом восприятия самим профессиональным судьей. Соответственно, одни аспекты приобретают существенное значение и выделяются, другие – уходят в тень. Результат допроса свидетелей ведет к формированию определенной позиции как защиты, так и обвинения. Представляется, что в целях повышения эффективности восприятия присяжными заседателями доводимой до них в напутственном слове информации, касающейся напоминания содержания допросов, с целью формирования их внутреннего убеждения требуется уточнение требований к содержанию напутственного слова председательствующего путем внесения изменений в п. 1 ч. 3 ст. 340 УПК РФ.

Третья составляющая ответа на поставленный в статье вопрос связана с формированием вопросного листа, содержанием вопросов, которые ставятся перед присяжными заседателями.

В вопросном листе по каждому из деяний в обязательном порядке ставятся следующие вопросы:

- 1) доказано ли, что деяние имело место;
- 2) доказано ли, что это деяние совершил подсудимый.

В соответствии с положениями статьи 339 УПК РФ вопросы ставятся в понятных присяжным заседателям формулировках.

Сложным как для теории, так и для судебной практики остается значение категории выражения «понятных формулировок», а также использование вопросительных предложений вместо вопросов, на которые присяжные должны дать ответы. Судебная практика свидетельствует о том, что зачастую вместо вопросов, как регламентировано законом, присяжные имеют дело с длинными вопросительными предложениями с частицей «ли», в которых по существу заключается информирование, суждение об обвинении, либо просто утверждения из обвинительного заключения, переписанные в вопросительной форме, но при этом чрезмерно перегруженные. При этом вопросительные предложения в зависимости от требуемого ответа могут носить различный характер: утвердительный, отрицающий, побудительный и риторический. Искажает ли использование по существу вопросительного предложения смысл слова «вопрос» или является вполне допустимым? Бесспорно, содержание вопросного листа по сути влияет на итоговое решение по делу. Перегруженность фактических данных, перенесенных из обвинительного заключения в вопросный лист, требует от присяжных заседателей их полного осмысления для верного ответа. Такое осмысление напрямую согласуется с выражением «понятные формулировки» в поставленном вопросе или вопросительном предложении. Нередко, в целом, вопросный лист представляет собой нагромождение фактических данных, сложно изложенной информации об обстоятельствах обвинения. Цель понятна – предопределить описание преступного деяния в будущем судебном приговоре.

Как свидетельствует судебная практика, при рассмотрении Ленинградским областным судом [Архив..., 2019] каждого из поступивших в 2018 году трёх уголовных дел о бандитизме подобная громоздкость формулирования вопросного предложения о доказанности деяния привела к отрицательному ответу на него присяжными заседателями, полагаем, в том числе, и по причине перегруженности и непонятности. Приведем пример (текст по указанной категории уголовных дел):

«Доказано ли, что в таком-то году, но не позднее такого-то числа, в таком-то месте была создана группа из ___(кол-во) человек для нападения на граждан и завладения их имуществом; для вооружения группы такого-то числа, месяца и года был приобретен пригодный для стрельбы пистолет таких-то марки и калибра, и не менее ___(кол-во) патронов к нему; помимо этого группа была вооружена: начиная с такой-то даты таким-то пистолетом, пригодным для стрельбы, и ___(кол-во) патронами к нему; с такой-то даты – неустановленным пистолетом, использовавшимся со сменным магазином и ___(кол-во) самодельными патронами такого-то калибра; с такой-то даты – самовзводным пистолетом такого-то калибра с ___(кол-во) патронами; создателем и руководителем группы, а также её участниками разрабатывались планы совершения нападений на граждан, осуществлялся сбор информации о будущих жертвах, об уровне их защищенности, об их материальном положении; совершались нападения на граждан с требованием денег под угрозой применения насилия; при этом для осуществления своих целей участники группы использовали автомобили ___(кол-во) таких-то марок (перечисление марок машин и номеров) с такими-то номерами?»

Приведенный пример свидетельствует об отсутствии интеграции лингвистических и юридических положений, недоступности и непонятности постановки вопроса простому гражданину, не обладающему юридическими познаниями.

Также, если постановка первого вопроса о доказанности имевшего места деяния, хотя и громоздко, но описывает фактические обстоятельства действия или бездействия, повлекшие за собой общественно опасные последствия, то постановка второго вопроса требует от присяжных заседателей правовой оценки, поскольку зачастую формулируется следующим образом: «Если на первый вопрос дан утвердительный ответ, то доказано ли, что описанное в первом вопросе деяние совершил подсудимый...?» и т.д.

Обращает на себя внимание, что с точки зрения юридической значимости содержание термина «деяние» недоступно обычному носителю языка, чаще всего не имеющему ни юридического, ни лингвистического образования. Употребление термина «деяние» в вердикте коллегии присяжных заседателей приводит к приданию ему правового значения. В такой ситуации исходный текст описания фактических обстоятельств отчасти «переводится» на юридический язык. Хотя формально это и не противоречит требованиям закона, реально юридическое понимание термина «деяние» остается недоступно присяжным заседателям, в связи с чем представляется необходимым адаптировать указанный термин. К примеру, можно использовать другой вариант постановки второго вопроса, который нередко предлагает судебная практика: «Если на первый вопрос дан утвердительный ответ, то доказано ли, что описанные в нем действия (*именно действия, а не деяние* – прим. авт.) совершил подсудимый...?» и т.д.

Приведенный вариант в большей мере обеспечит адекватность понимания присяжными заседателями поставленного вопроса, что согласуется с положениями статьи 339 УПК РФ о том, что вопросы ставятся в понятных присяжным заседателям формулировках. Эта же позиция следует из разъяснений, изложенных в пункте 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», где отмечено, что не могут ставиться отдельно либо в составе других вопросы, требующие от присяжных заседателей собственно юридической оценки при вынесении присяжными заседателями своего вердикта.

Анализ текста уголовно-процессуального закона и теоретических источников позволяет сделать вывод о том, что, будучи предназначенным для урегулирования общественных отношений в сфере публичного права, где вероятность ограничения гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека очень высока, УПК РФ на сегодняшний день не в полной мере соответствует требованиям юридической техники [Петухов 2016: 61]. Решением этой проблемы может стать рассмотрение законодателем давно высказываемых предложений о необходимости решения присяжными заседателями единственного вопроса о виновности или невиновности подсудимого, с отнесением описания и правовой оценки фактических обстоятельств преступного деяния к компетенции профессионального судьи.

Литература

1. Архив Ленинградского областного суда, уголовные дела №2-8/18, 2-32/18, 2-5/2019.
2. Бабенко Г. Большой толковый словарь русских существительных. URL: <https://noun.ru/academic.ru/5813/напоминание> (дата обращения 26.11.2018).
3. Галяшина Е.И. Феномен судебного речеведения: Наука - экспертиза – обучение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. №12.
4. Дубровская Т.В. Судья: речевое поведение в судебном дискурсе // Дискурс-Пи, 2016. №1.
5. Казанцев С.М. Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864-1917 гг. СПб., 1991.
6. Обзор по делам, рассмотренными судами с участием присяжных заседателей в 2003 году, утвержденного Судебной коллегией по уголовным делам ВС РФ 01.06.2004 г. URL: <http://nnbc.pf/2004/obzor-sudebnoy-praktiki-vs-rf/2004.06.01-prisyajnye.html> (дата обращения 26.11.2018).
7. Первый постсоветский суд присяжных. URL: <https://pravo.ru/process/view/24686/> (дата обращения 26.11.2018).
8. Петухов Е.Н. Коррекционное толкование отдельных положений уголовно-процессуального закона как средство уяснения их точного смысла и правильного применения // Юрислингвистика, 2016. № 5.

References

1. Arkhiv Leningradskogo oblastnogo suda. (2019). Ugolovnye dela 2-8/18, 2-32/18, and 2-5/2019 (in Russian).
2. Babenko G. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh sushchestvitel'nykh. (2009). Available from: https://noun_ru.academic.ru/5813/напоминание (in Russian).
3. Dubrovskaya, T.V. (2016). Judge: speech behavior in judicial discourse [Sud'ya: rechevoe povedenie v sudebnom diskurse]. Diskurs-Pi – Discourse P, 1 (in Russian).
4. First Post-Soviet jury trial. (2018). [Pervyj postsovetskij sud prisyazhnyh]. Available from: <https://pravo.ru/process/view/24686/> (in Russian).
5. Galyashina, E.I. (2015). The phenomenon of judicial speech: Science-expertise-training [Fenomen sudebnogo rechevedeniya: Nauka-ehkspertiza-obuchenie]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina – Bulletin of the University of O.E. Kutafin, 12 (in Russian).
6. Kazancev, S.M. (1991). Jury trial in Russia: high-Profile criminal trials of 1864-1917 [Sud prisyazhnyh v Rossii: Gromkie ugolovnye processy 1864-1917]. Saint Petersburg (in Russian).
7. Obzor po delam, rassmotrennymi sudami s uchastiem prisyazhnykh zasedatelei v 2003 godu. (2004). Sudebnaya kollegiya po ugolovnym delam VS RF 01.06.2004. Available from: <http://ppvs.rf/2004/obzor-sudebnoy-praktiki-vs-rf/2004.06.01-prisyajnye.html/> (in Russian)
8. Petuhov, E.N. (2016). Correctional interpretation of certain provisions of the criminal procedure law as a means of understanding their exact meaning and correct application [Korrekcionnoe tolkovanie otdel'nyh polozhenij ugolovno-processual'nogo zakona kak sredstvo uyasneniya ih tochnogo smysla i pravil'nogo primeneniya]. Yurislingvistika – Legal linguistics, 5 (in Russian).

Citation:

Зейдлиц Е.Г. Некоторые особенности допроса в суде с участием присяжных заседателей с точки зрения юрислингвистики. // Юрислингвистика. – 2019. – 11. – С. 5-10.

Zeidlits, E.G. (2019). Some features of interrogation in trial jury according to legal linguistics. Legal Linguistics, 11, 5–10.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Проблемы определения признаков насилия в статьях УК РФ

Н.В. Тыдыкова

*Алтайский государственный университет
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61. E-mail: academnauka@rambler.ru*

Статья посвящена исследованию правового термина «насилие», который не имеет законодательного определения, и по-разному толкуется в научно-исследовательской литературе. Отсутствие определения понятия в диспозициях статей не позволяет в каждом конкретном случае однозначно определить тот объем понятия «насилие», который входит в состав, и тот, который требует дополнительной квалификации. В статье предлагается два способа определения объема понятия. Один из них связан с системным толкованием рассматриваемой нормы, сравнением признаков основного состава и квалифицирующих признаков. Другой способ предполагает сравнение санкции толкуемой нормы с санкциями норм, устанавливающих ответственность за применение насилия спорного объема в чистом виде. Затрагиваются вопросы деления насилия на физическое и психическое и способов фиксирования этих видов в диспозициях норм УК РФ. Исследованием обнаруживается отсутствие единообразия терминологии при закреплении этих признаков в нормах УК РФ. В статье исследуется проблема соотношения терминов «насилие», «принуждение» и «понуждение», используемых в статьях УК РФ в разных значениях, в то время как понятия «принуждение» и «понуждение» целесообразно использовать как синонимы. Критикуется отсутствие официального толкования терминов «насилие, опасное для жизни и здоровья» и «насилие, не опасное для жизни и здоровья» и использование разъяснений, не предусмотренных для данных составов преступлений. Делается вывод о необходимости разработки концепции насилия, предполагающей наличие общего понятия, универсальных терминов, единых классификаций и содержания различных видов и форм его проявления.

Ключевые слова: насилие, принуждение, физическое насилие, психическое насилие, вред здоровью.

Language of Law

Towards the “crime of violence” definition in the Criminal Code of the Russian Federation

Tydykova N.V.

*Altai State University
656049, Barnaul, Lenina st., 61. E-mail: academnauka@rambler.ru*

The article is devoted to the study of the term «violence», which has no legislative definition, and in the academic literature is defined in different ways. The absence of definition in the dispositions of articles does not allow to unambiguously determine in each case the amount of violence involved, and which requires additional qualification. The article proposes two ways to determine the amount of violence in different cases. One of them is connected with the systemic interpretation of the norm in question, and the comparison of the characteristics

of the elements essential and the qualifying characteristics. Another way is to compare the sanction of the interpreted norm with the sanctions of the norms establishing responsibility for the use of violence of the disputed volume in its pure form. The issue of dividing violence into physical and mental and ways of fixing these types in the dispositions of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation is touched upon. The author notes that there is no uniformity of terminology when fixing these elements in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation. The article ponders on the problem of the relationship between the terms "violence", "coercion" and "forcing." It is noted that legislators themselves in different norms lay a different meaning in these terms. It is proposed to understand "coercion" and "forcing" as synonyms. The lack of an official interpretation of the terms "violence dangerous to life and health" and "violence not dangerous to life and health" is criticized as well as the use of explanations provided for them. The author concludes that it is necessary to develop the concept of violence, which means the existence of a general concept, universal terms, general classifications and the scope of various types and forms of manifestations.

Key words: violence, compulsion, physical violence, mental violence, harm to health.

УК РФ содержит большое количество составов преступлений, включающих насилие в качестве одного из элементов. В законодательстве нет определения понятия «насилие», в научно-исследовательской литературе также не встречается его общепринятой дефиниции [Гаухман 2014].

Толкование значения слова «насилие» в русском литературном языке является достаточно широким – «принудительное воздействие на кого-либо, нарушение личной неприкосновенности» [Ожегов 1992]. Однако словарная статья не может быть взята за основу для определения уголовно-правовой категории насилия, так как дает общее его понятие, не указывая на конкретные признаки, которые позволили бы отграничить его от смежных понятий. Признаки, перечисленные в определении, могут быть взяты лишь за основу исследования правового феномена «насилие». В литературе отмечается, что основное содержание насилия – это действие одного субъекта вопреки желанию другого или принуждение к действиям, совершения которых лицо не желает [Логунова 2006: 217; Сердюк 2002:14; Шарапов 2001: 20]. Таким образом, можно согласиться с общим мнением о том, что насилие – это деяние, совершенное вопреки чьему-то желанию, подавление свободного волеизъявления, навязывание чужой воли [Шарапов 2001: 20].

К сожалению, в уголовном законодательстве отсутствует единообразие при закреплении этого признака в разных составах преступлений. В одних случаях законодатель говорит о применении насилия как такового (ч. 1 ст. 131 УК РФ), в других – конкретизирует объем данного правонарушения (ч. 1 ст. 162 УК РФ), в третьих, – не употребляя понятия «насилие», тем не менее, фактически перечисляет его последствия (п. «а» ч.3 ст. 127.1 УК РФ).

В тех случаях, когда диспозиция нормы содержит указание на объем наступивших последствий от насилия, проблем для квалификации деяний почти не возникает. В тех же случаях, когда формулировка не содержит такой конкретики, бывает непросто определить, какой вид насилия охватывается нормой, а какой требует дополнительной квалификации. Примером такой проблемы может служить ч.1 ст. 131 УК РФ, где закреплён признак насилия, но не определён его объём. Эта проблема может быть решена путём системного толкования нормы. Так как угроза убийством и причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности являются квалифицирующими признаками, а причинение смерти по неосторожности – особо квалифицирующим признаком и совершение деяния при их наличии влечёт более строгую ответственность, то в основном составе остаётся меньший объём насилия – побои, удержание, ограничение свободы, причинение легкого вреда здоровью и вреда здоровью средней тяжести. Соответственно, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и смерти требуют дополнительной квалификации по соответствующим статьям УК РФ. Кстати говоря, такая иерархия насилия не является установленной законом, а скорее условно принята в правоприменительной практике.

Более сложный механизм установления объёма насилия, закреплённого в составе, требует п. «а» ч.2 ст. 240 УК РФ, где также указано на применение насилия, но не конкретизирован его объём. В отличие от предыдущей ситуации, здесь насилие входит не в основной состав, а уже в квалифицированный, при этом особо квалифицирующих признаков, связанных с насилием, нет. Поэтому применение метода системного толкования здесь не даст положительного результата. Единственным вариантом видится обращение к максимальному пределу санкции нормы и её сравнение с максимальными пределами санкций норм, устанавливающих ответственность за применение насилия спорного объёма в чистом виде. Так, рассматриваемая норма имеет санкцию до 6 лет лишения свободы с ограничением свободы до 2 лет. Менее строгие санкции имеют нормы, предусматривающие уголовную ответственность за умышленное причинение легкого вреда здоровью (ч.1 ст. 115 УК РФ), умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести (ч.1 ст. 112 УК РФ), причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ч.1 ст. 118 УК РФ). Это позволяет сделать вывод о том, что общественная опасность такого насилия уже учтена при конструировании рассматриваемой нормы. Значит, дополнительной квалификации требует только умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего (ч.1 ст. 111 УК РФ) и умышленное причинение смерти (ч.1 ст. 105 УК РФ). Такой подход не является законодательно установленным правилом, но поддерживается в науке уголовного права [Кругликов 2015: 73].

Целый ряд проблем вызывает и использование законодателем конструкций «насилие, опасное для жизни или здоровья» и «насилие, не опасное для жизни или здоровья». Встречаются такие конструкции достаточно часто: в статьях 126, 126, 161, 162, 166, 206, 211, 221, 226, 229, 296, 309 Уголовного кодекса РФ и ряде других.

Однако сам законодатель нигде не раскрывает, какой конкретно объем насилия охватывается каждой их них. Так как без понимания этого вопроса невозможно и применение указанных норм, то для нужд правоприменительной практики соответствующие разъяснения дал Верховный Суд РФ в Постановлении от 27.12.2002 N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Хотя это постановление посвящено разъяснению вопросов квалификации только нескольких определенных составов преступлений, в силу отсутствия аналогичных разъяснений по вопросам других составов, предлагаемая в нем трактовка насилия, опасного для жизни или здоровья, и насилия, не опасного для жизни или здоровья, используется правоприменительной практикой для нужд всех составов преступлений, содержащих рассматриваемые конструкции. Возможно, такой механизм толкования содержания терминов и является в настоящее время единственным, однако его сложно признать правильным.

В науке уголовного права насилие традиционно делится на два вида: физическое и психическое. Например, в ч.1 ст. 132 УК РФ отдельно указано насилие (физическое) и угроза его применения (психическое насилие). Однако при закреплении признаков насилия в диспозициях норм законодателем это не всегда учитывается. Например, в п. «в» ч.2 ст. 283.1 УК РФ указано на применение насилия. С учетом того, что в других случаях угроза применения насилия оговаривается отдельно, можно было бы предположить, что если бы законодатель захотел включить этот компонент в состав преступления, то указал бы его. Однако правоприменительная практика идет по пути понимания термина «насилие» как комплексного явления, которое аккумулирует в себе как физический компонент, так и психический (угрозу). Такой подход вполне оправдан, так как в противном случае угроза применения насилия зачастую оказывалась бы за рамками составов насильственных преступлений, являясь, при этом, тоже формой его проявления. Кроме того, тезис о взаимосвязи физического и психического в понятии насилия поддерживается и наукой уголовного права [Крылов 2016: 132].

Наряду с понятием «насилие», в УК РФ законодатель использует такие термины как «принуждение» и «понуждение», не объясняя, каково соотношение этих терминов. Анализ норм, содержащих в качестве элемента объективной стороны принуждение, показал, что сам законодатель в разных нормах закладывает в эти термины разное значение. Из содержания одних норм можно сделать вывод, что принуждение – более широкое понятие, нежели насилие, и наряду с другими категориями включает в себя насилие (например, ст. 120, ст. 149, ст. 179 УК РФ). Из анализа содержания других норм напрашивается вывод, что принуждение – самостоятельная категория, не связанная с насилием (например, ч.2 ст. 142 УК РФ). Отсутствует и источник, который бы содержал официальное толкование этого понятия. Также несколько раз в УК РФ использован термин «понуждение» (примечание к ст. 117, ст. 133, ст. 206 УК РФ). Толкование этого понятия также нигде не встречается, кроме того не ясно, как оно соотносится с термином «принуждение». В литературе обосновывается целесообразность понимания принуждения и понуждения как синонимов [Шарапов 2005:29]. Думается, что можно принять доводы Р.Д. Шарапова и считать рассматриваемые термины синонимами, а следовательно, законодателю необходимо выбрать один из них для использования в нормах УК РФ. В литературе принуждение определяется как незаконное, против воли человека, психическое или физическое воздействие на него с целью заставить совершить определенные действия или воздержаться от их совершения вопреки своей воле [Девятковская 2010: 128]. Так как принуждение или понуждение возможны с применением насилия, то правильно рассматривать насилие как один из способов принуждения.

В литературе по уголовному праву отмечается и проблема соотношения понятия насилия с понятиями «физическое принуждение» и «психическое принуждение» [Цебоев 2016: 71]. Разграничение данных правовых категорий также является перспективой науки уголовного права и законодательной практики.

Сказанное выше позволяет сформулировать вывод о необходимости разработки концепции насилия, предполагающей наличие общего понятия, универсальных терминов, единых классификаций и содержания различных видов и форм проявлений. Это позволит создать понятную и непротиворечивую систему насильственных преступлений в УК РФ.

Литература

1. Гаухман Л.Д. Проблемы квалификации насильственных преступлений / Уголовное право. – 2014. – № 5.
2. Девятковская, С. В. Понятие принуждения в российском уголовном праве / Юристы-Правоведъ. – 2010. – № 2.
3. Кругликов Л.Л. О понятии и уголовно-правовой оценке насилия / Уголовное право. – 2015. – № 1.
4. Крылов Н.Г. К вопросу о содержании понятия «насилие» в российском уголовном праве / Вестник саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 5 (112).
5. Логунова О.С. Насилие и его формы в ст. 117 УК РФ и ст.302 УК РФ / Современные вопросы государства, права, юридического образования: материалы III Общероссийской научно практической Интернет-конференции / отв.ред. О.В. Белянская. Тамбов, 2006.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006.
7. Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 2002.
8. Фокин М.С. Содержание понятия «насилие» по действующему уголовному законодательству / Вестник Омского университета. Серия Право. – 2010. – № 3 (24). – С. 159-162.
9. Цебоев А.П. Насилие как признак преступного поведения и проблемы его регламентации в нормах российского уголовного закона / Вестник краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 1 (31).
10. Шарапов Р.Д. Теоретические основы квалификации насильственных преступлений. Тюмень, 2005.

11. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001.

References

1. Себоев, А.П. (2016). Nasilie kak priznak prestupnogo povedeniya i problemy ego reglamentacii v normax rossijskogo ugovnogo zakona. Vestnik krasnodarskogo universiteta MVD Rossii, 1(31) (in Russian).
2. Devyatovskaya, S. V. (2010). Ponyatiye prinuzhdeniya v rossijskom ugovnom prave. Yurist-Pravoved, 2 (in Russian).
3. Fokin, M.S. (2010). Soderzhanie ponyatiya "nasilie" po dejstvuyushhemu ugovnomu zakonodatelstvu. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo, 3(24), 159-162 (in Russian).
4. Gauzman, L.D. (2014). Problemy kvalifikacii nasilstvennyx prestuplenij. Uголовное право, 5 (in Russian).
5. Kruglikov, L.L. (2015). O ponyatii i ugovno-pravovoj ocenke nasiliya. Uголовное право, 1 (in Russian).
6. Krylov, N.G. (2016). K voprosu o soderzhanii ponyatiya «nasilie» v rossijskom ugovnom prave. Vestnik saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii, 5(112) (in Russian).
7. Logunova, O.S. (2006). Nasilie i ego formy v st. 117 UK RF i st. 302 UK RF. Sovremennye voprosy gosudarstva, prava, yuridicheskogo obrazovaniya. Proceed. III All-Russian Sc. Internet Conf. Tambov (in Russian).
8. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. (2006). Dictionary of the Russian Language. Moscow (in Russian).
9. Serdyuk, L.V. (2002). Nasilie: kriminologicheskoe i ugovno-pravovoe issledovanie. Moscow (in Russian).
10. Sharapov, R.D. (2001). Fizicheskoe nasilie v ugovnom prave. Saint Petersburg (in Russian).
11. Sharapov, R.D. (2005). Teoreticheskie osnovy kvalifikacii nasilstvennyx prestuplenij. Tyumen (in Russian).

Citation:

Тыдыкова Н.В. Проблемы определения признаков насилия в статьях УК РФ // Юрислингвистика. – 2019. – 11. – С. 11-14.

Tydykova, N.V. (2019). Towards the "crime of violence" definition in the Criminal Code of the Russian Federation. Legal Linguistics, 11, 11-14.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах

А. А. Васильев*¹, Ж. И. Ибрагимов², Р. В. Насыров¹, И. Н. Васев¹

¹*Алтайский государственный университет, 656049, г. Барнаул, проспект Социалистический, д. 68,*

*E-mail: *anton.vasiliev@mail.ru, nasirov.rafail@yandex.ru, vasev1986@mail.ru*

²*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева*

Республика Казахстан, 010008 г. Астана, Алма-атинский район, ул. Қаныша Сатпаева

E-mail: zhamaladen@mail.ru

Правовая система России в последние десятилетия очевидно столкнулась с вызовами глобальной электронной экономики. Связаны они прежде всего с тем, что многие группы правоотношений, традиционно существовавшие в «материальном» виде, перемещаются в киберпространство. Речь идет не только о масштабной цифровизации сферы купли-продажи, но и о тех областях права, в отношении которых их перемещение в Интернет ранее не предполагалось (сфера государственных услуг, электронное избирательное право и пр.). Если к этому добавить криминальные проявления новой цифровой реальности, то обозначенная проблема станет еще более очевидной.

Отсутствие в этой области системного правового регулирования и даже минимального набора основных правовых терминов делает отечественное законодательство беззащитным перед стремительно развивающимся интернет-правом. В статье предлагается авторское осмысление основных проблемных вопросов современной цифровой экономики, а также намечаются меры по оперативному вмешательству государства в наиболее актуальные сферы цифрового права: блокчейн, криптовалюта, смарт-контракт, идентификация интернет-пользователей, разрешение внутрисетевых споров, кибербезопасность и предупреждение компьютерных преступлений. На этом пути современная Россия, очевидно, оказалась в числе отстающих от стран, движущихся в фарватере мировой экономики. Поставленная задача, однако, вовсе не подразумевает простого копирования и механического перенесения зарубежного правового опыта на национальную почву. Речь идет о необходимости выработки оригинальной модели правового регулирования отношений в цифровом пространстве с опорой на опыт других стран. Формулирование концепции «цифрового права» должно стать первым шагом к выработке такой модели.

Ключевые слова: цифровое право, интернет право, цифровая экономика, криптовалюта.

Language of Law

The term “digital law” in doctrine and legal texts

Vasilyev A.A.*¹, Ibragimov J.I.², Nasyrov R.V.¹, Vasev I.N.¹

¹*Altai State University, 656049, Barnaul, Sotsialisticheskiy Prospekt, 68,*

*E-mail: *anton.vasiliev@mail.ru, nasirov.rafail@yandex.ru, vasev1986@mail.ru*

²*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan,*

010008, Nur-Sultan, Alma-Ata District, Қаныш Сатпаев St., E-mail: zhamaladen@mail.ru

The legal system of Russia in recent decades has clearly faced the challenges of the global electronic economy. They are connected primarily with the fact that many groups of legal relations, which traditionally existed in the "material" form, are moving into cyberspace. It is not only about the large-scale digitalization of the sphere of sale and purchase, but also about those areas of law in respect of which their transfer to the Internet has never been assumed before (public services, electronic suffrage, etc.). If we add to this the criminal manifestations of the new digital reality, the problem stated will become even more obvious.

The absence of any comprehensive legal regulation in this area or a minimal set of basic legal terms makes domestic legislation unprotected against the rapidly developing Internet law. The article proposes the authors' understanding of the main problematic issues of the modern digital economy, as well as outlines measures for the state's prompt interference in the most relevant areas of digital law: blockchain, cryptocurrency, smart contract, identification of Internet users and resolution of intranet disputes, cyber security and computer crime prevention. Modern Russia has obviously been among the countries lagging behind underway towards the world economy. The task, however, does not at all imply a simple copying of foreign legal experience or mechanical transference of it onto home grounds. It is necessary to come up with an original model of legal regulation of the problem. The formulation of the concept of "digital law" should be the first step towards creating such a model.

Key words: digital law, internet law, digital economy, cryptocurrency.

Цифровизация жизни человека неизбежно порождает целый комплекс юридических вопросов. Среди таких вопросов особняком стоит содержание используемых в юридической доктрине, законодательстве и юридической практике терминов «цифровая экономика», «электронное лицо», «электронное государство», «цифровое право». При этом все настоятельнее необходимость адекватного и своевременного правового регулирования отношений в цифровом пространстве. Так, в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития на период до 2024 г.» в сфере цифровой экономики предусмотрена разработка системы правового регулирования цифровой экономики и использования искусственного интеллекта.

Приходится констатировать отсутствие однозначного понимания данных терминов в юридических текстах и научной дискуссии. Вместе с тем ясность и полнота юридических терминов выступает залогом стабильной правовой основы для деятельности человека в цифровой среде. До сих пор не определен правовой режим значительной части институтов цифровой реальности, в том числе возможность применения криптовалюты, виртуальных объектов и денег, так называемых смарт-контрактов и т.д.

Отдельный интерес представляет категория «цифровое право», которая вызывает острую полемику среди российских правоведов. Термин «цифровое право» и «цифровой финансовый актив» в субъективном смысле используются в сфере правотворчества. Так, в проекте Федерального закона «О цифровых финансовых активах», разработанном Министерством финансов Российской Федерации, содержится определение цифрового финансового актива – «имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных (криптографических) средств. Права собственности на данное имущество удостоверяются путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций. К цифровым финансовым активам относятся криптовалюта, токен. Цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации» [Проект..., 2018]. Следует оговориться, что весьма спорным выступает отнесение цифровой валюты к имуществу, которое создается с помощью криптографических средств. Само по себе нечто электронное вряд ли может быть признано имуществом в физическом смысле. Скорее речь идет об интеллектуальных продуктах или о правах на эти виртуальные объекты, которые могут иметь имущественный характер.

На сегодняшний момент в правовых актах стратегического характера встречается лишь один термин – «цифровая экономика». В стратегии развития информационного общества приводится легальное определение «цифровой экономики» – «это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [Указ..., 2017].

В юридической литературе, таким образом, одним из главных вопросов является обоснование цифрового права как некоей новой юридической реальности в системе российского права, а также введение особой категории субъективных прав – цифровых прав личности.

Прежде всего, в теоретико-правовом отношении представляют интерес попытки обособления цифрового права или интернет-права. Для выделения цифрового права в самостоятельный элемент системы права необходимо наличие самостоятельного предмета и метода правового регулирования. Вне всякого сомнения, говорить о специфических отношениях в сфере цифровой реальности или особых способах правового регулирования не приходится. Основным отличительным признаком цифровых отношений выступает использование особой системы коммуникации – интернет-пространства. Причем в новую коммуникационную оболочку облекаются привычные формы социального взаимодействия – имущественные отношения, избирательные, политические и прочие. Все же следует согласиться с мнением В. В. Архипова о том, что интернет-право не может рассматриваться как

самостоятельная отрасль права. Скорее, речь может идти об особой отрасли законодательства при условии появления совокупности фундаментальных нормативных правовых актов относительно регулирования отношений в связи с использованием Интернета [Архипов 2018: 29-33].

При этом цифровое право (интернет-право) в объективном смысле как совокупность норм права, регулирующих отношения по поводу применения Интернета, характеризуется рядом особенностей:

1) отношения в сфере Интернета могут регулироваться на уровне технического кода;

2) цифровое право объединяет предметное единство по поводу разрешения с помощью юридических, технических и программных средств целого ряда системных вопросов использования интернет-пространства (юрисдикция, защита информации, виртуальная валюта и т.п.) [Архипов, 2018: 29];

3) цифровые отношения протекают в особой интернет-среде и приобретают виртуальный характер.

В американской юридической литературе известна дискуссия относительно предметной самостоятельности интернет-права как области юридического знания. Так, Ф. Истербрук выступил против обособления интернет-права, пользуясь аналогией «лошадиного права» [Easterbrook 1996: 207]. По его мнению, никаких принципиальных особенностей право, регулирующее Интернет, не имеет. Нет необходимости выделять направления в юриспруденции по поводу того или иного предмета без учета иных юридически значимых особенностей. С тем же успехом можно обособить лошадиное право, поскольку встречаются институты права относительно сделок по поводу лошадей или причинения вреда лошадям. Иной точки зрения придерживается Л. Лессиг, который отмечает своеобразие той реальности (виртуальной, электронной), в которой складываются указанные общественные отношения. В такой среде, с одной стороны, действует цифровой код, а с другой стороны, отношения в сфере использования Интернета с учетом ее архитектуры не поддаются такому контролю, как физические общественные отношения [Lessig 1999].

Фактически архитектура виртуального мира такова, что привычная теория права и модель правового регулирования не срабатывают в киберпространстве. Прежде всего, отношения в цифровом пространстве не поддаются такому же контролю, как в традиционных условиях. В электронной среде значительно сложнее идентифицировать личность человека, его пол и возраст, а значит, учесть данные особенности в правовом регулировании. Правовое регулирование общественных отношений в сфере Интернета выходит за рамки национального пространства и приобретает международно-правовое звучание. Так, кибератаки на информационные системы производятся с территории иностранных государств, а идентификация пользователей для доступа к контенту с социально и психологически опасными последствиями уязвима в современных технологических условиях.

Но при этом в отличие от физической реальности виртуальный мир может быть изменен человеком через код. Не случайно в западной и российской практике долгое время считалось, что сфера Интернета находится за пределами правового регулирования и до сих пор существуют движения за свободное ее развитие без вмешательства государства. На первом этапе распространения Интернета отношения между пользователями регулировались на основе стихийно возникавших обычаев и технических норм. До сих пор значительная часть виртуального мира находится вне сферы правового регулирования и подчиняется сложившимся стихийно социальным нормам. Так, форумы для обсуждения определенной тематики вырабатывают собственные правила общения и санкции для нарушителей этих правил в виде исключения или ограничения участия в таком общении.

Появление кибератак, сбор данных о частной жизни, защита интересов детей и т.д. вызвали к жизни бурное развитие правотворчества в сфере Интернета. Появление «даркнета», криминальной и скрытой стороны Интернета ведет к тому, что национальные государства не могут оставаться безучастными к этой стороне проблемы. Назрела необходимость выработки международно-правовых документов и механизмов нейтрализации социально опасных проявлений цифрового пространства, а также национально-правового опосредования цифровой среды: блокчейн, криптовалюта, смарт-контракты, идентификация пользователей, разрешение споров, кибербезопасность и предупреждение компьютерных преступлений.

Таким образом, цифровое право можно рассматривать в двух значениях:

1) в широком смысле оно охватывает совокупность норм права, регулирующих общественные отношения, которые протекают с использованием Интернета;

2) в узком смысле цифровое право объединяет нормы права, касающиеся разрешения системных проблем Интернета.

Кроме того, цифровое право можно понимать и в субъективном смысле. Один из вариантов такого понимания предложен в проекте Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (О цифровых правах)». Речь идет о разновидности имущественных прав на электронные (виртуальные) блага, которые могут быть конвертируемы в реальные материальные блага [Ситдикова, Ситдииков 2018: 75-82]. В проекте закона, принятом в третьем чтении Государственной Думой Российской Федерации 13 марта 2019 г., содержится такое определение цифровых прав – «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу». При этом из проекта закона исключили такие термины как «криптовалюта» и «токены», поскольку, по мнению П. В. Крашенинникова, использование их в законодательстве преждевременно.

Таким образом, можно отметить формирование особой отрасли законодательства и научного направления – цифрового права (интернет-права). Понимать его стоит в двух значениях. В объективном смысле цифровое право есть совокупность норм права, направленных на разрешение системных проблем интернет-права. В субъективном смысле цифровое право представляет собой юридическую возможность использования информации и иных благ с помощью интернет-пространства.

Литература

1. Проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах».
URL: https://www.minfin.ru/ru/document/npa_projects/
2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» //Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. N 20. Ст. 2901.
3. Архипов В. В. Интернет-право. М., 2018.
4. Ситдикова Р. И., Ситдилов Р. Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав / Имущественные отношения в РФ. 2018. – №9.
5. Easterbrook F. N. Cyberspace and the Law of the Horse / University of Chicago Legal Forum, 1996.
6. Lessig L. The Law of The Horse. What Cyberlaw Might Teach / Berkman Center for Internet & Society at Harvard University, 1999.

References

1. Arkhipov, V.V. (2018). Internet law [Internet-pravo]. Moscow (in Russian).
2. Easterbrook, F. N. (1996). Cyberspace and the Law of the Horse. University of Chicago Legal Forum.
3. Law draft project "On Digital Financial Assets" [Proyekt Federal'nogo zakona "O tsifrovyykh finansovykh aktivakh"]. Available from: https://www.minfin.ru/ru/document/npa_projects/
4. Lessig, L. (1999). The Law of The Horse. What Cyberlaw Might Teach. Berkman Center for Internet & Society at Harvard University.
5. Presidential Decree of 09.05.2017 N 203 "On the Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017-2030" [Ukaz Prezidenta ot 09.05.2017 N 203 "O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017-2030 gody"]. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 05/15/2017. N 20. Art. 2901 (in Russian).
6. Sitdikova, R. I., Sitdikov. R. B. (2018). Digital rights as a new type of property rights [Tsifrovyye prava kak novyy vid imushchestvennykh prav]. Property relations in the Russian Federation, 9 (in Russian).

Citation:

Васильев А.А., Ибрагимов Ж.И., Насыров Р.В., Васев И.Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах.

// Юрислингвистика. – 2019. – 11. – С. 15-18.

Vasilyev, A.A., Ibragimov, J.I., Nasyrov, R.V., Vasev, I.N. (2019). The term "digital law" in doctrine and legal texts. Legal Linguistics, 11, 15-18.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Понятие добросовестности в языке российского права: история и современность

Л. В. Попова

*Челябинский государственный университет, Миасский филиал
456313, Челябинская область, Миасс, пос. Строителей, ул. Керченская д. 1.
E-mail: mila_fil@mail.ru*

В статье отражено диахроническое исследование влияния национальных социально-этических ценностей на правовую сферу, что позволяет проследить развитие морально-правовых представлений в русской культуре. Язык юридической коммуникации изучается как объективное отражение юридического сознания. Предметом исследования являются способы номинации понятия добросовестности в языке российского права. Произведена сплошная выборка соответствующих юридических номинаций из кодексов, законодательных и других актов. Обнаружена недостаточная терминологическая определенность данных номинаций как в законодательстве, так и в специальной энциклопедической литературе. С учетом общеязыковой семантики и контекстуального анализа отмечено совмещение в понятии добросовестности социально-этической и юридической семантики, показана его близость с родовым понятием правомерности. Реконструирована история развития номинативной группы с центром «совесть» в русском законодательстве с XVIII века. Выполнен лингвокогнитивный анализ, показана трансформация семантической структуры номинаций и их когнитивного содержания в современном русском юридическом сознании: зафиксировано уменьшение значимости концепта «совесть» и возрастание значимости концепта «закон» при характеристике правомерности. Выполнен лингвокультурологический анализ, определен аксиологический статус понятия добросовестности в истории и современности русского права. Выявлены признаки этнокультурной идентичности юридического языкового сознания в истории и современности. Отмечена этнокультурная значимость этического концепта «совесть», его историческая связь с концептами «душа», «добро», «справедливость», «правда», «честность». Реконструирован этнокультурный образ добросовестного субъекта права, транслируемый русскими законодательными текстами на протяжении нескольких веков. Апелляция к данному образу рассмотрена как компонент речевой стратегии комплексного воздействия на логическую, эмоциональную и ценностно-мотивационную сферы сознания субъекта права. Выявлен коммуникативно-прагматический риск при совмещении исходного социально-этического и производного правового значения добросовестности (эффект недостаточной точности правовых предписаний).

Ключевые слова: добросовестность, правомерность, концепт «совесть», концепт «закон», русское юридическое языковое сознание.

Language of Law

Concept of good faith in the language of the Russian Law: history and present

Popova L.V.

*Miass Branch, Chelyabinsk State University
456313, Chelyabinsk Region, Miass, pos. Stroitelej, Kerchenskaya St. 1,
E-mail: mila_fil@mail.ru*

The article discusses the diachronic study of influence of national social and ethical values on the legal sphere. It allows to track development of moral and legal representations in the Russian culture. The language of the legal communication is learned as the objective reflection of the legal consciousness. The object of the research is the ways of the nomination of the concept of good faith in the language of the Russian law. There has been made a continuous sampling of the corresponding legal nominations from the codes, legislative and other acts. There has been discovered insufficient terminological definition of these nominations both in the legislation, and in special encyclopedic literature. The overlap of social-ethical and legal semantics in the concept of good faith is noted basing on common-language semantics and the contextual analysis, its proximity with the generic concept of legitimacy is shown. The history of development in the Russian legislation of the nominative group with «sovest» nucleus is reconstructed from the 18th century on. The linguo-cognitive analysis is made, the transformation of semantic structure of the nominations and their cognitive contents in the modern Russian legal consciousness is shown: decrease of the importance of the concept «conscience» and increase of the importance of the concept «law» is fixed in the semantics of legitimacy. The linguoculturological analysis is made, the axiological status of the concept of conscientiousness in the history and the present of the Russian right is defined. The signs of the ethnocultural identity of legal language consciousness in history and the present are revealed. The ethnocultural importance of the ethical concept «conscience», its historical link to concepts «soul», «good», «justice», «truth», «honesty» is noted. The ethnocultural image of the conscientious legal entity communicated by the Russian legislative texts throughout several centuries is reconstructed. The employment of this image is considered as the component of the speech strategy of integral impact on logical, emotional and belief spheres of the consciousness of a legal entity. There has been revealed the communicative-pragmatic risk when combining initial social-ethical meaning of good faith and its derivative for the legal sphere (effect of the insufficient accuracy of the legal instructions).

Key words: good faith, legitimacy, concept of «conscience», concept of «law», Russian legal language consciousness.

Многие понятия, выраженные терминами современного права, имеют оценочный характер, среди них существует ряд единиц юридического сознания, которые выражаются лексическими средствами, составляющими номинативное поле этнокультурных этических концептов. Присутствие в логико-семантическом пространстве права национально-специфичных понятий и соответствующих им терминов свидетельствует об этнокультурной идентичности юридического сознания. Признавая язык юридической коммуникации достаточно объективным отражением юридического сознания, мы с помощью лингвистических методов выполняем диахроническое исследование влияния социально-этических ценностей на правовую сферу, что позволяет проследить развитие морально-правовых представлений в русской культуре.

В современном юридическом дискурсе регулярно используется номинативная группа с лексемами *(не)добросовестный, -о, -ость*. В кодексах, законодательных актах, распорядительных документах и других подзаконных актах функционируют составные термины и устойчивые юридические выражения, например: *д. приобретатель* (ГК РФ, ч. 1, ст. 147.1; УПК РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, ст. 166, п. 2; ФЗ от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», ст. 2; ФЗ от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», ст. 68, п. 1), *недобросовестный поставщик / подрядчик / исполнитель* (ФЗ от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», ст.104), *д. / нед. конкуренция* (ФЗ от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», ст. 18; ФЗ от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», ст. 20.1; ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», ст. 7, п. 12; ФЗ от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», ст. 8, ч. 2), *д. / нед. реклама* (ФЗ от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе», ст. 1), *д. супруг* (СК РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ, ст. 30, п. 4), *д. пользоваться правами* (АПК РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ, ст. 41, п. 2; ФЗ от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ), *д. исполнять обязанности / работать* (ТК РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ, ст. 21; ФЗ от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ст. 13, ч. 1, п. 7; ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», ст. 10; КоАП РФ от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ, ст. 32.13, п. 5); *добросовестность / принцип д. / презумпция д.* (ЖК РФ от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ, ст. 7, п. 2; ФЗ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», ст. 20, п. 4; ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», ст. 7, п. 12; ФЗ от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», ст. 12, п. 1; ФЗ от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», ст. 3, п. 2).

Обобщенное значение в юридическом употреблении имеет лексема *добросовестность* (одиночная и в составе терминов *принцип д. / презумпция д.*). В энциклопедии права приведено определение устойчивой номинации *добросовестность, разумность и справедливость*: наиболее общий принцип российского гражданского права,

используемый для определения пределов допустимого осуществления субъектами гражданского права принадлежащих им гражданских прав, а также для восполнения возможных пробелов в законодательстве (при отсутствии прямого регулирования конкретной ситуации законом, соглашением сторон, обычаями делового оборота и при невозможности использования закона и права по аналогии) [Большая..., 2010: 204]. Юридические энциклопедии фиксируют специальное значение прилагательного *добросовестный* в составном термине *д. приобретатель* – лицо, которое приобрело к.л. имущество и в момент приобретения не знало и не могло знать о существовании прав третьих лиц на это имущество, если не доказано иное [Большая..., 2010: 204; Тихомирова 1997: 119]. Данная дефиниция характеризует законопослушность субъекта в гражданских правоотношениях, указывая на отсутствие намерения нарушить чьи-либо права и юридические нормы в целом. Другие составные термины, выделенные нами в нормативно-правовых актах, не отражены в специальных энциклопедиях. Их значение можно определить по аналогии с термином *д. предприниматель*, исходя из дистрибуции в тексте и с учетом общезыковой семантики лексем-компонентов: *добросовестный* – ‘честно, тщательно выполняющий свои обязательства, обязанности’ [Словарь..., 1954: 847], *добросовестность* – ‘честность, аккуратность’ [Словарь..., 1954: 848]. Например, *добросовестная конкуренция* – ‘честная, не нарушающая права других субъектов и юридические нормы в целом’, *недобросовестный поставщик* – ‘не выполняющий свои обязательства, нарушающий права других субъектов и юридические нормы в целом’ и т. д. Следует обратить внимание и на то, что в подзаконных актах между *честный (-о)* и *добросовестный (-о)* наблюдаются логико-семантические отношения тождественности (*честная конкуренция* – Приказ Федеральной службы по труду и занятости от 13 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Плана деятельности Федеральной службы по труду и занятости, включая реализацию приоритетных проектов, на 2017 год») и комплементарности (*честно и добросовестно исполнять обязанности судьи* – ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», ст. 10).

Сопоставление выявленных профессиональных номинаций позволяет установить, что вследствие функционирования в юридическом дискурсе их семантическая структура усложняется: к социально-этическим семам ‘(не)честный’, ‘(не)усердный’, ‘(не)ответственный’ добавляется сема ‘(не)правомерность’ / ‘(не)законопослушность’ (в зависимости от указания на субъект, объект, действие). Обобщая приведенные факты, можно установить, что в юридическом дискурсе социально-этические номинации, включенные в сферу концепта «совесть», являются регулярным средством оценки и моделирования правомерного поведения, но выражаемые ими понятия не отождествляются с понятием правомерности (сфера концепта «закон»), то есть данные номинации выполняют особую функцию. Комплексный диахронический лингвокогнитивный и лингвокультурологический анализ проясняет соотношение морального и юридического значений, служит для реконструкции историко-культурного пути концепта «совесть» в русском юридическом языковом сознании.

В юридическом дискурсе функционирование номинативной группы с центром *совесть* выявлено нами с XVIII в. В кодексе Петра I «Уставъ Воинскій» 1716 г. [Полное собрание... 1830: т. V, № 3006] (здесь и далее знаком № обозначается порядковый номер документа в издании – Л.П.), получившем применение в различных отраслях российского права, при описании правил судебных заседаний и обязанностей судей использован оборот «напамятовать свою *совѣсть* при отправленіи дѣла» (раздел «Краткое изображение Процессовъ или Судебныхъ тяжбъ», гл. I «О судѣ и судіяхъ», п. 10). Формула, судя по отбору языковых средств, носит оценочный характер, ее объективным содержанием является обязанность действовать в рамках законов при рассмотрении дела и вынесении приговора. При этом самого термина *закон* и его производных в контексте нет (предположительно: «соблюдать законы при отправлении дела» и т.п.), то есть нравственный концепт «совесть» эксплицитен, а правовой концепт «закон» имплицитен. Далее в «Уставе» приведен текст судебной присяги (п. 13), в котором актуализированы термины со значением ‘закон’ (нормативно-правовой акт), и вновь в официальную формулу введен морально-оценочный компонент с комплементарной функцией: «по воинскимъ пунктамъ, правамъ и уставамъ приговаривать и осуждать право (т.е. правомерно) и *нелицемерно*». *Нелицемерно*, имея сему ‘честный’ (*лицемерный* – ‘скрывающий под видом добродетели пороки, притворяющийся добродетельным, набожным’ [Словарь..., 1792: III, 1197]), входит в номинативное поле концепта «совесть». Данный концепт эксплицитирован и при регламентации поведения отдельного субъекта права в роли свидетеля: «б. <...> понеже когда онъ присягалъ, тогда уже присяги своей, развѣ забывъ свою *совѣсть*, не нарушить, но толь паче правду донесеть <...>» (гл. III «О свидѣтеляхъ»).

Экспликация концепта «совесть» наблюдается в законодательстве Екатерины II. В комплексном нормативно-правовом акте «Учрежденія для управленія Губерній Всероссійскія Имперіи» 1775 г. [Полное собрание... 1830: т. XX, № 14392], установившем новую организацию региональной исполнительной и судебной власти, дана развернутая характеристика необходимых качеств судьи, среди номинаций которых первое место занимало прилагательное *совестный*: «б3. Въ Судьи Совѣстнаго Суда Намѣстничества (Губерніи) опредѣляется выборомъ каждаго Судебнаго мѣста той Губерніи, одинъ къ тому способный, *совѣстный*, разсудительный, справедливый и безпорочный человекъ <...>». Основополагающее качество человека с устойчивыми моральными принципами (поступающего согласно совести) предполагает стремление к справедливости (*справедливый* – ‘поступающий по правде, любящий правду’ [Словарь..., 1792: IV, 1045]) и отсутствие пороков, неспособность к порицаемым поступкам (*беспорочный* – ‘не имеющий порока’ [Словарь..., 1792: V, 132]). Объективным содержанием указанной оценочной формулы является необходимость законопослушности судьи. Как и в законодательстве Петра I, эксплицитен концепт «совесть» (наряду со «справедливость»), имплицитен концепт «закон».

Законодательство XIX в. Александра II развивает форму экспликации концепта «совесть». «Уставъ уголовного судопроизводства» 1864 г. [Полное собрание... 1830–1884: т. XXXIX, № 41476, 41477] содержит несколько статей, в

которых оценка неправомерности выражена с помощью сложного деривата *недобросовестный (-о)*. *Недобросовестным* названо ложное, незаконное обвинение: «121. По признаніи обвиняемаго невиннымъ, Мировой Судья немедленно отпускаетъ его. Если обвиненіе было *недобросовѣстное*, то Судья приговариваетъ обвинителя къ уплатѣ судебныхъ издержекъ, а, въ случаѣ просьбы обвиняемаго, и къ вознагражденію его за понесенные убытки» (аналогично в ст. 194); «782. На лицо, возбуждившее судебное преслѣдованіе вслѣдствіе понесеннаго имъ вреда или убытка, взысканіе вознагражденія оправданному подсудимому обращается лишь тогда, когда лицо это дѣйствовало *недобросовѣстно*, искажая обстоятельства происшествія, дѣлая ложные показанія или подговаривая къ тому другихъ, или же употребляя иныя незаконныя или предосудительныя средства»; «783. Оправданный подсудимый не лишается права искать вознагражденія и съ должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ съ Судебнаго Слѣдователя и Прокурора, если можетъ доказать, что они дѣйствовали пристрастно, притѣснительно, безъ законнаго повода или основанія, или же вообще *недобросовѣстно*». Следует отметить отношения смыслового тождества и комплементарности между *недобросовестный* и *незаконный*, в частности в формулировках «действовать недобросовестно» и «действовать без законного повода», «употреблять незаконные средства» (ст. 782, 783). В ряде статей преобладает термин *незаконный (противо-)* без аналогичного *недобросовестный*: незаконное направление дела (ст. 518), противозаконные действия судебных врачей (ст. 490) и др. Сохраняется в «Уставе» и форма предписания правдивости свидетельских показаний с использованием прямой номинации концепта «совесть»: «показать по чистой *совѣсти*» (ст. 98, 99). Таким образом, во второй половине XIX века при квалификации (не)правомерности фактов концепт «совесть» сохраняет актуальность в юридическом сознании, но при этом возрастает частотность экспликации концепта «закон», он начинает доминировать.

Итак, понятие добросовестности, судя по данным юридического дискурса, отражающего юридическое сознание XVIII–XIX вв., было тесно связано с понятием правомерности (сфера концепта «закон»). Для прояснения функции номинативной группы с центром *совесть* в истории русского юридического сознания необходимо проанализировать значение составляющих группу компонентов. В XVIII в. *добросовѣстный* имело значение 'праводушный, чистую совѣсть наблюдающій'. Данная характеристика давалась, в частности, и субъекту, исполняющему профессиональные обязанности в правоприменительной деятельности, например судье [Словарь... 1792: I, 979]. Исходное *совестный* – 'сообразующий дела свои с чистой совѣстью', а также в собственно юридическом употреблении – 'по совести разбирающій / разбираемый' (судья, суд) [Словарь... 1792: I, 978]. Существовала также лексема *добросовѣстие* – 'праводушіе, добрая совѣсть' [Словарь... 1792: I, 979]. Все производные восходят к *совѣсть* – 'врожденная души наша сила или способность судить нравственную доброту или худобу нашихъ деяній; внутреннее увѣреніе, твердое признаніе нравственной доброты или худобы дѣлъ нашихъ' [Словарь... 1792: I, 979]. Отметим, что в дефинициях *совестный* и *добросовѣстный*, даже при характеристике представителя судебных органов, семантическим центром было моральное качество – следование внутреннему чувству справедливости. Поскольку академический толковый словарь русского языка XVIII в. дает представление о тезаурусе в целом, выбранные для иллюстрации дефиниций примеры из юридического дискурса, очевидно, демонстрируют одну из наиболее типичных для русского языкового сознания ситуаций, в когнитивной модели которой концепт «совесть» был обязательным. Этнокультурный концепт «совесть» отражает «личное сознание, нравственно оценивающее все проявления добра и зла в единстве чутя и чувства, души и духа, вызывая сочувствие и активное соучастие в общем деле» [Колесов 2014: I, 286]. *Добросовѣстность* в традиционном языковом сознании предполагала нравственную упорядоченность духовного мира личности: «порядочность» – «совокупность высоких нравственных качеств, свойственных организованному человеку; включает понятие о чести, достоинстве, добре и справедливости в его душе, объединяя их в личностный "нравственный порядок"» [Колесов 2014: I, 65]. Таким образом, в истории русского языкового сознания у прилагательных *совестный*, *добросовѣстный* дефинитивно была обозначена связь не только с концептом «совесть», но и с концептами «душа», «добро», «справедливость». Данные номинации акцентировали внимание на целостности духовного мира личности, позволяющей человеку выбирать правильную модель поведения и оценивать поведение других по нравственной шкале «хорошо (добро) – плохо (зло)» как в неофициальном, так и в официальном общении. Для юридического языкового сознания XVIII–XIX вв., по-видимому, была характерна интерпретация добросовестности как фундамента правомерности.

К XX в. центром семантической структуры лексем *добросовѣстный*, *добросовѣстность* становятся признаки честности, усердия, ответственности [Словарь..., 1954: 847, 848]. Акцент в современном осмыслении добросовестности смещен на ее прагматическое значение в социальных и правовых отношениях. Связь с концептом «совесть» (а также «душа» и др.) дефинитивно не эксплицируется, хотя, по-видимому, сохраняется в языковом сознании как фоновая, учитывая прозрачность структуры лексем. Выявляется когнитивная пропозиция: при наличии внешнего ограничителя, устанавливающего общие правила поведения (формальная обязанность), субъект добровольно выстраивает свое поведение согласно внутреннему императиву, стремясь к достижению идеала социальной роли. Очевидно, эта пропозиция положена в основу современной юридической интерпретации добросовестности. Центральный семантический признак правовой семантики наиболее тесно связан с концептом «честность» и шкалой «правда – ложь»: «честность» – «совокупность безупречных душевных качеств человека чести как высшая ценность, исключая хитрость, ложь и воровство» [Колесов 2014: I, 488].

Итак, на протяжении нескольких столетий понятие добросовестности остается актуальным для русского юридического сознания. В нормативно-правовых текстах регулярно функционируют номинативные средства экспликации этнокультурного концепта «совесть», соотносимого в юридическом языковом сознании с концептом «закон». Это соотношение менялось исторически. Первоначально добросовѣстность интерпретировалась как

фундамент правомерности, что контекстуально отразилось в смысловом сближении профессиональных номинаций типа *правый / законный* и *совестный / добросовестный* при доминантности последних. Безусловно, на профессиональное сознание оказывало влияние этнокультурное представление о душе как центре личности, совести как ядре полноценного духовного мира. В дальнейшем у социально-этической модели номинации сужается значение, приоритетной становится связь с концептом «честность» (представление о полезности честного человека для общества), однако окончательного отождествления добросовестности и честности до настоящего времени не наблюдается. В отношении между концептами «закон» и «совесть» усилилась дифференциация.

При доминантности понятия правомерности (законности) понятие добросовестности сохраняет силу эталона в ситуациях недостаточности юридических норм (шкалы «законность – незаконность»), выступая как дополнительный регулятор в правоотношениях (компенсаторная функция). При этом следы прежнего логико-семантического соотношения сохраняются: *добросовестно* (а не *законно*) *пользоваться правами* и т.п. *Добросовестность* подчеркивает связь юридических норм с социально-нравственными, указывая на значимость индивидуального выбора субъекта права с опорой на моральный «кодекс», на необходимость саморегуляции поведения. С нашей точки зрения, в современном юридическом сознании у понятия добросовестности сохраняется сверхфункция – аксиологическая: трансляция этнокультурного образа (добро)совестного человека в целях усиления воздействия юридического текста не только на логическую, но и на эмоциональную и ценностно-мотивационную сферы сознания субъекта права. Данный способ речевого воздействия (совмещение исходного нравственного и производного правового значения) может приводить и к эффекту недостаточной точности правовых предписаний, поскольку верификация добросовестности сложнее, чем собственно законности.

Литература

1. Большая юридическая энциклопедия / авт.-сост. А. Б. Барихин. М., 2010.
2. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб., 2014.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. – СПб., 1830–1884.
5. Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб., 1792.
6. Словарь современного русского литературного языка. Т. III. М.; Л., 1954.
7. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1997.

References

1. Big Legal encyclopedia. (2010). [Bolshaya yuridicheskaya ehnciklopediya]. A. B. Barikhin (Ed.). Moscow (in Russian).
2. Complete collection of laws of the Russian Empire. The First collection. From 1649 to December 12, 1825. (1830). [Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sbranie pervoe. S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda]. St. Petersburg (in Russian).
3. Complete collection of laws of the Russian Empire. The Second collection (1885). [Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sbranie vtoroje]. St. Petersburg (in Russian).
4. Dictionary of Academy Russian. (1792). [Slovar' Akademii Rossijskoj]. St. Petersburg (in Russian).
5. Dictionary of the modern Russian literary language. (1954). [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka]. V. III. Moscow; Leningrad (in Russian).
6. Kolesov, V. V., Kolesova, D. V., Haritonov, A. A. (2014). Dictionary of the Russian mentality [Slovar' russkoj mental'nosti]. St. Petersburg (in Russian).
7. Tikhomirova, L. V., Tikhomirov, M. Yu. (1997). The legal encyclopedia [Yuridicheskaya ehnciklopediya]. M. Yu. Tikhomirov (Ed.). Moscow (in Russian).

Citation:

Попова Л.В. Понятие добросовестности в языке российского права: история и современность // Юрислингвистика. – 2019. – 11. – С.19-23.
 Popova, L.V. (2019). Concept of good faith in the language of the Russian Law: history and present. Legal Linguistics, 11, 19-23.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О терминологическом смысле понятия «маскировка» в контексте судебной лингвистической экспертизы

Е.Л. Дайлоф

ФБУ Южного регионального центра судебной экспертизы Минюста России
344038, Ростов-на-Дону, ул. Ленина, 109/2. E-mail: katerina.dail@rambler.ru

В статье рассматривается вопрос об объёме и содержании понятия «маскировка» в контексте судебной лингвистической экспертизы с позиции его терминологической корреляции с явлением криптолалии. При определении понятия маскировки предлагается руководствоваться функционально-прагматическим подходом, то есть ориентироваться в первую очередь на то, с какой целью было использовано то или иное речевое средство (речевой прием, способ передачи информации). В случае маскировки ведущей целью является сокрытие информации от третьих лиц. Опираясь на лингвистические труды В.П. Москвина, в соответствии с изложенным подходом к определению понятия маскировки разграничиваются понятия криптолалии и эвфемии как коммуникативных явлений, противопоставленных друг другу по целевому назначению и составу коммуникантов. При криптолалии: состав участников – адресат, адресант, контрагент (третье лицо, от которого что-то скрывают), цель – сокрытие содержания речи от третьих лиц; при эвфемии: состав участников – адресат, адресант, иногда третье лицо, от которого информация не скрывается, цель – смягчение наименования нежелательных предметов и явлений. В контексте противозаконной деятельности участников коммуникации в роли контрагента (третьего лица, от которого скрывается информация) выступает реальный или предполагаемый представитель закона. На примерах из экспертной практики демонстрируется использование альтернативных номинаций (приема криптономазии) с целью сокрытия информации о предмете речи. В заключение отмечается, что в терминологическом смысле понятие маскировки в контексте производства судебной лингвистической экспертизы соотносится с явлением криптолалии и обозначает реализацию в речи коммуникативной установки сокрытия информации от контрагента (третьего лица) посредством использования различных речевых приёмов и средств непрямо́й коммуникации.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, маскировка, криптолалия, эвфемия, коммуникативная установка.

Forensic Linguistics

“Disguise” meaning in forensic linguistic expertise

Dailof E.L

FBU of the Southern Regional Center for Forensic Expertise of the Ministry of Justice of Russia, Lenin St.
109/2, Rostov-on-Don, 344038. E-mail: katerina.dail@rambler.ru

The article deals with the issue of the scope and content of the concept of "disguise" in the context of forensic linguistic expertise from the perspective of terminological correlation with the phenomenon of cryptolalia. When defining the concept of disguise, it is proposed to be guided by a functional and pragmatic approach, that is, to

focus primarily on the purpose for which a particular speech tool was used (speech technique, method of information transmission). In the case of masking, the main purpose is to hide information from third parties. Based on the linguistic works of V. P. Moskvina, in accordance with the above stated approach to the definition of the concept of disguise, the concepts of cryptolalia and eupheme as communicative phenomena opposed to each other by purpose and participants are distinguished. When cryptolalia is used participants are: the addressee, the addresser, the counterparty (third person from whom something is hidden); the goal is concealment of speech content from a third party; when eupheme is used participants are: addressee, addresser, sometimes a third party from whom the information is not hidden; the goal is the mitigation of undesirable names of objects and phenomena. When speaking of illegal activities of the participants of communication, a real or alleged representative of the law is seen as the counterparty (a third party from whom the information is hidden). Examples from expert practice demonstrate the use of alternative nominations to hide information about the subject of speech. In conclusion, it is noted that from the point of view of terminology the concept of masking in forensic linguistic expertise is correlated with the phenomenon of cryptology and denotes concealing information from the counterparty (third party) as the objective of communication achieved by various speech techniques and means of indirect communication.

Key words: forensic linguistic expertise, disguise, cryptolalia, eupheme, communicative objective.

В практике производства судебных лингвистических экспертиз вопросы «Имеются ли в тексте/разговоре признаки маскировки его содержательных элементов?», «Каково значение замаскированных элементов и их характеристики?» ставятся на разрешение эксперта по разным категориям дел. Так, потребность в решении данных вопросов возникает при расследовании преступлений, связанных с коррупцией (получение/дача взятки, посредничество), злоупотреблением должностными полномочиями, незаконным оборотом наркотических средств, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией преступного сообщества и других.

Тем не менее, терминологический статус понятия «маскировка» в судебной лингвистической экспертизе остается, на наш взгляд, достаточно неопределенным и требует теоретического осмысления с целью решения прикладных экспертных задач. В данном случае нельзя не согласиться с мнением Г.В. Кусова о том, что «отсутствие специального терминологического аппарата экспертной деятельности лингвиста (...) не позволяет закончить формирование понятия «системы судебной лингвистической экспертизы» [Кусов 2011].

Понятие «маскировка» не является новым в судебной экспертизе, например, оно закреплено в терминологическом аппарате классической криминалистической экспертизы – автороведческой, и обозначает преднамеренное искажение индивидуальных навыков письменной речи с целью сокрытия личности автора текста, например: «Под маскировкой в речи понимается реализация различными средствами установки адресанта или нескольких адресантов письменного сообщения на сокрытие авторства или состояния автора в момент составления текста» [Гомон 1992].

В общеупотребительном значении лексема «маскировка» (от глагола «маскировать» – скрывать что-н., представлять не тем, что есть в действительности) указывает на использование неких средств, приемов с целью сокрытия истинного положения дел.

При широком подходе к лингвистическому определению понятия маскировки обнаруживается тенденция к опасному объединению в его рамках достаточно широкого круга разнородных языковых явлений, различных речевых стратегий, дискурсивных практик, приемов не прямой коммуникации, имплицитных способов передачи информации. В частности, «маскирующим» потенциалом обладают элиминация, эллипсис, умолчание, эвфемизация, намёк, перифраза, фигуры двусмысленной речи, средства невербальной коммуникации, билингвизация и другие. В то же время использование названных приёмов необязательно предполагает реализацию коммуникативной установки на сокрытие информации и может быть обусловлено, как например в случае элиминации, принципом экономии речевых усилий или, как в случае билингвизации, недостаточным владением неродным языком или затруднением в подборе эквивалента понятия во втором языке. Таким образом, наличие в речи имплицитной составляющей не всегда является признаком маскировки, и при определении объема данного понятия следует, на наш взгляд, руководствоваться функционально-прагматическим подходом, то есть ориентироваться в первую очередь на то, с какой целью было использовано то или иное речевое средство (речевой прием, способ передачи информации). В случае маскировки ведущей целью является сокрытие информации от третьих лиц.

Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, в терминологическом плане понятие маскировки в широком смысле коррелирует с явлением криптолалии – «использованием приёмов и номинативных средств языка в «конспиративной», по выражению В.Д. Бондалетова, или криптофорной функции», а в узком – с речевым приемом криптономазии, заключающемся в конспиративном переименовании объекта речи [Москвин 2007].

Так, при определении понятия маскировки С.В. Доронина говорит о «криптолалической коммуникативной установке» [Доронина 2015]; О.Н. Матвеева – о криптологическом использовании языка, см.: «В целом явление маскировки в лингвистике соотносится с понятием кодирования и криптографии, где язык представляет собой код, знаковую систему, предназначенную для кодирования и передачи информации, а криптологическое использование

языка – искажение этого кода (придание вербальному знаку значения, отличного от общепринятого, общеизвестного) с целью сокрытия от лиц, которым оно не предназначено» [Матвеева 2015].

В определении, предлагаемом А.Е. Козловым, Я.Х. Сажениной, понятие маскировки раскрывается через феномен эвфемизации, который, в свою очередь, по сути отождествляется с понятием «сокрытие»: «В случае, когда план выражения (очевидно реализованный в высказывании) и план содержания (намеренно завуалированный) не совпадают, можно констатировать использование говорящим средств языковой маскировки, т.е. эвфемизации (сокрытия) денотативной информации или представления ее в заведомо искаженном виде» [Козлов, Саженина 2016].

Опираясь на лингвистические труды В.П. Москвина, мы придерживаемся иной точки зрения, в частности полагаем, что сущность эвфемии как языкового явления не вполне отвечает содержанию понятия маскировки в контексте судебной лингвистической экспертизы с учетом функционально-прагматического подхода к определению понятий. Так, если «эвфемия представляет собой использование словесных зашифровок с целью смягчить, завуалировать, изящно «упаковать» предмет сообщения, оставив все-таки возможность любому носителю языка догадаться, о чем идет речь» [Москвин 2001], то функция сокрытия информации от третьих лиц, что и является целью маскировки, вряд ли может быть реализована.

В данном случае необходимо разграничить понятия эвфемии и криптолалии как языкового явления, в наибольшей степени отвечающего содержанию понятия маскировки. В.П. Москвин указывает, что «эвфемии и криптолалию необходимо развести и трактовать как две абсолютно самостоятельные, функционально противопоставленные речевые стратегии», а «слова, используемые в криптофорной функции, целесообразно именовать не эвфемизмами, а криптонимами» [Москвин 2007]. Основными признаками, отличающими ситуацию криптолалии от ситуации эвфемии, являются целевое назначение (функция) и состав коммуникантов. При криптолалии выделяется следующий состав участников: адресат, адресант, контрагент (третье лицо, от которого что-то скрывают), целью коммуникации является сокрытие содержания речи от третьих лиц. При эвфемии состав участников – адресат, адресант, иногда третье лицо, от которого информация не скрывается; цель – смягчение наименования нежелательных предметов и явлений [Москвин 2007]. В ситуации осуществления коммуникантами противозаконной деятельности в роли контрагента (третьего лица, от которого скрывается информация) выступает реальный или возможный/предполагаемый представитель закона.

Для разграничения эвфемии и криптолалии мы считаем важным следующее наблюдение: «эвфемизм только тогда остается эвфемизмом, когда говорящий производит замену «неудобного слова» на слово «удобное», а не подменяет суть понятия. С помощью эвфемизма нельзя обмануть!» [Никитина 2013]. В структуре эвфемии А.М. Никитина выделяет два компонента: «то, на что заменяется (собственно эвфемизм: «субститут», «нейтральные слова и выражения», «нейтрально или положительно коннотированные наименования») и то, что заменяется (исходное наименование, «стигматический денотат», «антецедент», «отрицательно коннотированные наименования») [Никитина 2013].

При эвфемизации исходное наименование и его эвфемизм имеют общее в той или иной степени семантическое ядро, в то время как при употреблении номинации в криптофорной функции факт реальной действительности и слово, его обозначающее, могут вообще не иметь никаких точек соприкосновения. Например, в экспертной практике был случай наименования емкостей (бочек) для перевозки нефтепродуктов словом «девчонки», а при указании объема (тоннажа) этих емкостей использовалась числовые выражения, обозначающие возраст. В результате такой «маскировки» состоялся следующий курьезный в некоторой степени диалог:

M1: Привет, братан! Девчонку хочу, нет сил больше терпеть! Очень хочу!

M2: Какую?

M1: Ну, лет 48-50.

Еще один пример из экспертной практики, демонстрирующий зачастую отсутствие какой бы то ни было семантической связи между реальным объектом и словом, используемым для его номинации. На исследование был представлен телефонный разговор следующего содержания:

M2: Приветствую Ну чё этот. Ну как... как говорили, да? Две рыбы отдашь и все.

M1: Дак... эээ... Две...Блин, поточней бы как-нибудь, чтоб я все понял. Мне поделить то, что должен отдать или чего? Или три рыбы?

M2: Нет... Вот общее у нас получается три штуки?

M1: Да

M2: Вот две отдай, а одну оставь у себя пока.

M1: Хорошо. Понял. Все. Есть.

M2: М-м-м-угу все, все.

M1: Все, все. Понял, а то я хотел соленой рыбы бежать покупать... Елки-палки!

M2: Нет, нет, нет, соленой не надо...(смех).

В данном диалоге основной темой разговора является обсуждение вопроса передачи диктором М1 неких материальных предметов, для наименования которых используется слово «рыба» («рыбы»). В частности, диктор М2 обращается к диктору М1 с распоряжением отдать/передать некие предметы в количестве 2 штук. Диктор М1 в ответной реплике демонстрирует непонимание/отсутствие у него возможности адекватного декодирования смыслового содержания речи диктора М2 с точки зрения количества предметов, подлежащих передаче: «... поточней бы как-нибудь, чтоб я все понял. Мне поделить то, что должен отдать или чего? Или три рыбы?». После чего диктор М2 разъясняет диктору М1, что при общем количестве материальных предметов в размере трех единиц, диктор М1

должен отдать/передать две единицы и одну единицу до некоторого времени необходимо оставить у себя: «... две отдай, а одну оставь у себя пока». Диктор М1 сообщает о понимании смысла речи диктора М2 и согласии/готовности выполнить требуемое.

Об употреблении слова «рыба» в неузуальном значении и, как следствие, об использовании диктором М2 приема маскировки свидетельствует смысловое содержание интеракции, демонстрирующей со стороны диктора М1 сначала непонимание, а затем (после полученного от диктора М2 разъяснения) адекватное декодирование им прагматического смысла и информационного содержания высказывания: «...Все, все. Понял, а то я хотел соленой рыбы бежать покупать». Как видно, использование приема маскировки одним из участников коммуникации требует от собеседника определенных интерпретационных усилий для выведения реального смысла высказывания. Однако отсутствие в дальнейшем в речи диктора М1 высказываний, направленных на уточнение и самой ситуации, и отдельных ее элементов, свидетельствует о наличии у обоих коммуникантов предварительного знания о ситуации их межличностного взаимодействия, которое является основой и ориентиром для адекватной интерпретации содержания языковых единиц [Борисова, 2009]. В скобках заметим, что в данном примере приведена лишь часть проведенного исследования, в результате которого, однако, однозначно установить маскируемый объект речи не представилось возможным.

Приведенные примеры демонстрируют использование в качестве средства маскировки речевого приема криптономазии, когда для обозначения табуированного смысла вместо узуального, соответствующего речевым конвенциям понятия используется альтернативная номинация, не имеющая связи с денотативным содержанием исходного понятия. Подобная замена всегда ситуативно и/или контекстуально обусловлена и, как правило, имеет коммуникативную пресуппозицию: либо участники коммуникации заранее договариваются об использовании определенного речевого кода (как в приведенном примере с бочками), либо имеют представление о ситуации взаимодействия, что позволяет адекватно декодировать смысл передаваемого сообщения при отсутствии предварительной договоренности. В противном случае интерпретация закодированного сообщения требует дополнительных интерпретационных усилий с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов. Лингвистическая экспертиза производится лицом, которое не обладает знаниями о неотраженной в речи коммуникативной пресуппозиции, и задача эксперта состоит в том, чтобы с опорой исключительно на контекст путем лексико-семантического анализа установить наличие признаков маскировки, средств ее реализации и, при наличии возможности, маскируемый предмет речи и/или его характеристики.

Таким образом, в терминологическом смысле, на наш взгляд, понятие маскировки соотносится с явлением криптономазии и обозначает реализацию в речи коммуникативной установки сокрытия информации от контрагента (третьего лица) посредством использования различных речевых приемов и средств непрямо коммуникации. В заключение отметим, что вопрос об объеме и содержании понятия маскировки в судебной лингвистической экспертизе требует дальнейшего обсуждения с целью выработки единого научно обоснованного подхода к определению данного понятия и оптимизации процесса исследования, в том числе путем систематизации на основе обобщения экспертной практики основных речевых приемов и способов реализации коммуникативной установки сокрытия информации.

Литература

1. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. М., 2009.
2. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь/ В.П. Москвин. Ростов-на-Дону, 2007.
3. Гомон Т.В. Судебно-автороведческая экспертиза текстов документов, составленных с намеренным искажением письменной речи: дис. ... канд. юр. наук. Москва, 1992.
4. Доронина С.В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам. Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53).
5. Козлов А.Е., Саженина Я.Х. Семантические и прагматические показатели маскировки в экономических преступлениях. Лингвокультурология, 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-i-pragmaticheskie-pokazатели-maskirovki-v-ekonomicheskikh-prestupleniyah>.
6. Кусов Г.В. Использование специальной терминологии в судебной лингвистической экспертизе. Юридические науки. Теория и практика общественного развития. 2011. № 6. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2011/5/yurisprudentsiya/kusov.pdf.
7. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка, Москва, 2007.
8. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования. Вопросы языкознания. 2001. № 3.
9. Никитина А.М. К вопросу об эвфемии: этико-риторический аспект. Наука и школа. – 2011. Вып. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-efemii-etiko-ritoricheskiy-aspekt>.
10. Судебная лингвистика: монография/ О.Н. Матвеева, Н.В. Вязигина, Ю.В. Холоденко, С.И. Кузеванова, М.Е. Маргольц, А.А. Селина/ Под ред. О.Н. Матвеевой. Барнаул, 2015.

References

1. Borisova, I. N. (2009). Russian spoken dialogue: Structure and dynamics [Russkiirazgovornii dialog: strukturaidinamica]. Moscow (in Russian).
2. Doronina, S. V. (2015). Let`s agree, commander! The methods of discourse analysis in linguistic expertise of texts on anti-corruption cases [Komandir! Moget, dogovorimsya? Priemi diskursivnogo analiza v lingvisticheskoi ekspertize po antikorrupsionnim delam]. Political linguistics, 3(53) (in Russian).
3. Gomon, T. V. (1992). Forensic author studies examination of the texts of documents drawn up with the deliberate distortion of writing. Thesis of Doctoral Dissertation. [Sudebno-avtorovedcheskaya ekspertiza tekstov dokumentov, sostavlenih s namerennim iskazheniem pismennoi rechi]. Moscow (in Russian).
4. Kozlov, A. E., Sazhenina, Y. H. (2016). Semantic and pragmatic indicators of disguise in economic crimes. Cultural linguistics. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-i-pragmaticheskie-pokazateli-maskirovki-v-ekonomicheskikh-prestupleniyah/> (in Russian).
5. Kusov, G. V. (2011). The use of special terminology in forensic linguistic expertise. Legal science [Ispolzovanie spesialnoy terminologii v sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize]. Theory and practice of social development, 6. Available from: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2011/5/yurisprudentsiya/kusov.pdf/ (in Russian).
6. Matveeva, O. N., Vaizigina, N. V., Kholodenko, Y. V., Kuzevanova, S. I., Margolf, M. E., & Selina, A.A. (2015). Forensic linguistics: monograph. [Sudebnaya lingvistika]. Barnaul (in Russian).
7. Moskvina, V. P. (2001). Euphemisms: system connections, functions and methods of creation. [Euphemismi: sistemnie svyazi, funkzii i sposobi obrazovaniya]. Questions of linguistics, 3 (in Russian).
8. Moskvina, V. P. (2007a). Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language [Euphemismi v leksicheskoy sisteme sovremennogo russkogo yazika]. Moscow (in Russian).
9. Moskvina, V. P. (2007b). Expressive means of modern Russian speech. Trails and figures. Terminological dictionary. [Virazitelnie sredstva sovremenoy russkoy rechi. Tropy i figury. Terminologicheskii slovar]. Rostov-on-Don (in Russian).
10. Nikitina, A. M. (2011). To the question about Eufemia: ethical and rhetorical aspects. Science and School, 5. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-evfemii-etiko-ritoricheskii-aspekt/> (in Russian).

Citation:

Дайлоф Е.Л. О терминологическом смысле понятия «маскировка» в контексте судебной лингвистической экспертизы.

// Юрислингвистика. – 2019. – 11. – 24-28

Dailof, E.L. (2019). "Disguise" meaning in forensic linguistic expertise. Legal Linguistics, 11, 24-28.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Анализ прецедентного высказывания в рамках судебной лингвистической экспертизы: зарубежный и российский опыт

Э.В. Будаев¹, М.Б. Ворошилова², А.П. Чудинов³

¹Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет». 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, Красногвардейская, д. 57. E-mail: baedw@mail.ru

²Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 620144, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66, каб. 54, 28. E-mail: shinkari@mail.ru

³Уральский государственный педагогический университет, 620017, Свердловская область, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, каб. 285 E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Дискуссия о правомерности лингвистической экспертизы прецедентных высказываний занимает значимое место в современном научном дискурсе. С одной стороны, прецедентные и метафорические высказывания часто становятся предметом судебных разбирательств, с другой – данные языковые факты нередко вызывают трудности в практике лингвистической экспертизы, потому что лексико-семантический уровень языка в меньшей степени, чем фонетический, морфологический или синтаксический уровни, поддается формализации.

Опыт выполнения подобных экспертных исследований есть как в российской, так и в зарубежной практике. В статье рассматриваются два примера анализа высказываний, содержащих лексику с переносным значением, один из которых демонстрирует особенности лингвистической экспертизы подобных выражений в британской судебной практике, а второй – отражает опыт рассмотрения схожих словосочетаний в российской лингвистической экспертизе. Особенности лингвистической экспертизы в обеих странах обусловлены различиями в процедуре проведения экспертизы и задачах, которые суд ставит перед экспертом.

В Британии вопрос о том, является ли какое-либо метафорическое прецедентное выражение клеветническим или нет, определяется с помощью двухэтапного процесса. На первом этапе судья решает, может ли рассматриваемое выражение потенциально содержать клевету. Решение принимается на основе так называемого теста «обычного читателя» (ordinary reader test). На втором этапе истец приводит свои аргументы, а затем бремя опровержения аргументов истца переходит к ответчику, который должен убедить судью и / или присяжных, что рассматриваемая фраза содержит правдивые данные. Помощь лингвиста привлекается только на первом этапе юридического процесса. В российской же практике лингвист должен рассмотреть форму выражения негативной информации и ответить на вопрос, может ли прецедентное высказывание быть частью утверждения о факте.

Ключевые слова: прецедентные феномены, прецедентные высказывания, судебная лингвистическая экспертиза.

¹*Nizhny Tagil branch of Russian State Vocational Professional University
622031, Sverdlovsk Oblast, Nizhny Tagil, Krasnogvardeyskaya 57. E-mail: aedw@mail.ru*

²*Ural Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
620144, Sverdlovsk Oblast, Ekaterinburg, st. 8 Marta, 66-54. 28. E-mail: shinkari@mail.ru*

³*Ural State Pedagogical University
620017, Sverdlovsk Oblast, Ekaterinburg, av. Cosmonavtov, 26-285. E-mail: ap_chudinov@mail.ru*

The discussion on the relevancy of linguistic expertise of precedent expressions looms large in contemporary scholarly discourse. On the one hand, precedent and metaphorical expressions are often cases at legal proceedings. On the other hand, linguistic phenomena of this kind often cause difficulties in for linguistic expertise, because it is more difficult to formalize the lexico-semantic level of the language than the phonetic, morphological or syntactic levels.

Both Russian and foreign linguists have experience in performing expertise of such expressions. The article discusses two examples of the analysis of statements containing vocabulary with a figurative meaning, one of which demonstrates the peculiarities of linguistic expertise of precedent expressions in British judicial practice, and the second one reflects the experience of considering similar phrases in Russian linguistic expertise. The peculiarities of linguistic expertise in both countries are caused by differences in the expertise procedure and the tasks that the court sets for the expert.

In Britain, the question of whether a metaphorical precedent expression is defamatory or not is determined through a two-step process. At the first stage, the judge decides whether the expression in question may potentially contain libel. The decision is made on the basis of the so-called "ordinary reader test". At the second stage, the claimant gives his arguments, and then the burden of refutation of the arguments of the claimant passes to the respondent, who must convince the judge and / or jury that the phrase in question contains truthful data. The linguist's help is involved only at the first stage of the legal process. In Russian practice, however, a linguist must consider a form of expressing negative information and answer the question whether a precedent expression can be part of a factual statement.

Key words: precedent phenomena, precedent expressions, forensic linguistic expertise.

В современном научном дискурсе активно развивается дискуссия о возможностях лингвистической экспертизы, в том числе, о правомерности анализа значения метафорического или прецедентного высказывания, которые все чаще становятся предметами судебных разбирательств [Будаев и др. 2017]. Эксперт, который руководствуется принципом всесторонности и полноты исследования (определенном в ФЗ №73), обязан проанализировать данные примеры и дать их точную оценку. Но наличие нескольких значений в любом метафорическом образе зачастую становится камнем преткновения в судебной практике. «Метафорические номинации могут влечь негативную оценку, но и в этом случае часто (впрочем, не всегда) точная вербализация негативной составляющей затруднена, – отмечают исследователи [Баранов URL]. Действительно, лексико-семантический уровень языка в меньшей степени, чем фонетический, морфологический или синтаксический уровни, поддается формализации, что приводит к определённым сложностям, особенно в практике проведения экспертизы. Нередко семантический анализ требует от специалиста широких познаний о методологическом багаже лингвистической науки и практических умений в реализации существующих в языкознании эвристик.

Но опыт выполнения подобных экспертных исследований есть как в российской, так и зарубежной практике. Успешным примером в зарубежной практике является комплексная методика, описанная А. Дюрантом на примере анализа прецедентного высказывания «экономить на правде» (be economical with the truth) [Durant 1996].

В британский суд обратился известный бизнесмен с иском против СМИ, которое в редакционной статье использовало при его характеристике слова «экономит на правде». Предприниматель в своем заявлении утверждал, что выражение «экономит на правде» имело смысл бесчестного сокрытия информации, что наносило ущерб его профессиональной репутации. В защиту статьи издатели выдвинули тезис о том, что не нужно рассматривать это словосочетание в понятиях истинности или ложности. Более того, издатели утверждали, что выражение «экономит на правде» является похвалой, а значит, не может нести уничижительного смысла.

Для решения поставленной задачи А. Дюрант обратился к пяти источникам:

1) конкордансы художественной литературы (для более полного представления о происхождении выражения);

2) Оксфордский словарь английского языка и иные лексикографические издания (чтобы проследить исходные и современные конвенциональные смыслы рассматриваемого выражения);

3) стенограмма судебного заседания, которое проходило в Сиднее по поводу книги Spycatcher в 1986 г. (в стенограмме представлен самый известный случай использования выражения «экономить на правде»; данная фраза была произнесена в свидетельских показаниях барона Роберта Армстронга);

4) два корпуса английского языка: корпус Financial Times за 1983-1992 гг. и корпус английского языка (с материалами до 1986 г.), поддерживаемый Университетским колледжем Лондона;

5) материалы опросов 12 англоговорящих респондентов, полученные в ходе психолингвистического эксперимента.

Анализ показал, что исторически словосочетание *economical with the truth* соотносилось с творчеством двух авторов. Первый из них – Марк Твен, которому принадлежит парадоксальная фраза «*Truth is the most valuable thing we have. Let us economise it*» («Истина – самое ценное, что у нас есть. Давайте её экономить»). В таком юмористическом ракурсе, человек, «экономящий истину», считает ее высшей ценностью, что едва ли можно рассматривать в уничижительном аспекте. Второй кандидат на авторство – Эдмунд Берк, англо-ирландский парламентарий, политический деятель и публицист эпохи Просвещения, которому принадлежит фраза «*I do not impute falsehood to the Government, but I think there has been considerable economy of truth*» («Я не утверждаю, что правительство нас обманывает, но думаю, что оно сильно экономит на правде»). В этой фразе Э. Берка прослеживается имплицитная критика властей.

Вместе с тем широкое распространение в английском языке фраза *economical with the truth* получила после ее использования сэром Робертом Армстронгом, британским секретарем кабинета министров, принимавшем участие в судебном разбирательстве по поводу книги П. Райта «*Spycatcher*» (в этой книге автор утверждал, что руководитель британской разведки МИ-5 был агентом КГБ, что привело к запрету ее публикации в Великобритании). Хотя ни отдельные слова, составляющие эту фразу, ни фраза в целом не были новыми (Роберт Армстронг предвещал использование фразы словами: «как сказал один человек»), выражение вошло в употребление как своего рода неологизм, что было подтверждено в психолингвистическом эксперименте.

Тест «обычного читателя» показал, что двум третям респондентов была хорошо знакома фраза *economical with the truth* из СМИ, а треть испытуемых сами использовали ее в своей речи. Когда же испытуемым предложили выбрать, с кем из двенадцати персоналий у них ассоциируется фраза *economical with the truth*, ни один из них не выбрал Марка Твена или Эдмунда Берка. Четверть опрошиваемых указала на Роберта Армстронга, а второй по популярности вариант ответа – «Ричард Никсон» (последний прочно ассоциируется в сознании англоговорящих респондентов с деловым мошенничеством, выявленным в ходе Уотергейтского скандала).

Вторая часть эксперимента была связана с семантической интерпретацией прецедентного высказывания.

10% опрошиваемых отметили, что данная фраза привносит смысл краткости изложения, в то время как 80% респондентов настаивали на том, что в содержании данного словосочетания есть смысл преднамеренного обмана. После этого А. Дюрант предложил респондентам оценить, как они отнеслись бы к такой фразе, если она была бы высказана в их адрес. 4% расценили бы это как похвалу, 13% как нейтральное высказывание, 80% – как критику или оскорбление.

Корпусный анализ текстов до 1986 г. (корпус Университетского колледжа Лондона) не выявил ни одного совпадения с фразой *economical with the truth*, в то время как в корпусе текстов 1986–1992 гг. (*Financial Times Business Service Corpus*) данное словосочетание встречается 450 раз. Таким образом, высказывание *economical with the truth* стало прецедентным после того, как ее использовал в судебном заседании Роберт Армстронг при описании действий британского правительства. Этот факт подтверждается еще и тем обстоятельством, что в конкордансах анализируемой фразы часто встречаются прямые указания на Роберта Армстронга как автора высказывания. Контексты актуализации данного прецедентного высказывания в корпусе свидетельствовали о пейоративном оценочном смысле. В одном из примеров в корпусе даже была предложена оценочная шкала, согласно которой «экономящий на правде» заслуживает максимально негативной оценки (*The Good, The Bad, The Ugly and The Economical with the Truth* – Хороший, Плохой, Мерзкий, Экономящий на правде).

Таким образом, опираясь на многоаспектный анализ прецедентного высказывания, А. Дюрант пришел к заключению, что данная фраза означает преднамеренное введение в заблуждение, искажение фактических данных или утаивание информации о существующем положении дел. Данная фраза начала жизнь как эвфемизм, но впоследствии стала образным выражением, означающим обман, особенно связанный с сокрытием дискредитирующего или непрофессионального поведения людей на государственной службе. Хотя сам лорд Р. Армстронг впоследствии утверждал в одном из интервью, что выражение *economical with the truth* означает «не предавать огласке данные, которые могут негативно восприниматься обществом», интервьюер, которому он изначально предложил это мнение, констатировал, что для большинства людей эта фраза уже стала эвфемизмом лжи.

Пример экспертизы, проведенной А. Дюрантом, наглядно демонстрирует, что для решения поставленной задачи эксперту необходимо владеть довольно широким арсеналом методов анализа, восходящих к различным направлениям лингвистической науки (в данном случае корпусной лингвистике, психолингвистике, этимологии, диахроническому анализу, дискурсивному анализу). Данная методика может быть использована и на примере русского языка, но задача российского эксперта немного шире.

Чтобы понять разницу функции лингвистов-экспертов, необходимо представлять в целом процедуру рассмотрения дел в британских судах. Является ли какое-либо выражение клеветническим или нет, определяется с помощью двухэтапного процесса. На первом этапе судья решает, может ли рассматриваемое выражение потенциально содержать клевету. Решение принимается на основе так называемого теста «обычного читателя» (*ordinary reader test*).

Далее истец должен продемонстрировать три вещи: во-первых, слова, которые послужили причиной обращения в суд, дискредитируют истца; во-вторых, что слова относятся к истцу, а не к третьему лицу (необходимо

доказать, что читатели могут идентифицировать того, о ком идет речь в публикации); в-третьих, что именно предполагаемый нарушитель прав истца несет ответственность за публикацию рассматриваемых данных.

Как только эти вопросы будут установлены, бремя опровержения аргументов истца переходит к ответчику, который должен убедить судью и / или присяжных, что рассматриваемая фраза содержит правдивые данные, справедливые оценки или что было получено согласие истца на публикацию данных (нельзя исключать, что истец руководствовался правилом «любое упоминание в прессе, кроме некролога, это реклама»).

Хотя можно предположить, что лингвист-эксперт мог бы помочь отличить заявления о фактах от мнений, его помощь привлекается только на первом этапе юридического процесса, описанного выше. Задача лингвиста заключается в том, чтобы аргументированно ответить перед судьей (но не присяжными) на вопрос о том, может ли рассматриваемая фраза нести в себе диффамационный смысл.

В российской же практике лингвист также должен определить форму выражения негативной информации и ответить на вопрос, может ли прецедентное высказывание быть частью утверждения о факте. Например, высказывание содержания негативной информации о враче «Так вот у Л. на этом кладбище могил – за горизонт» по формальным признакам также является утверждением о факте, так как,

во-первых, в нем отображается логическая связь, логическое заключение (так вот...),

во-вторых, высказывание имеет грамматическую форму повествовательного невосклицательного предложения,

в-третьих, в данном фрагменте не содержатся слова и конструкции, указывающие на источник мнения или подчеркивающие уверенность / неуверенность говорящего.

Указанное утверждение следует непосредственно за обобщающим суждением «Есть известное выражение, что у каждого хирурга есть свое персональное кладбище» и представляет собой применение этого обобщающего (относящегося ко всем хирургам) выражения по отношению к врачу Л. Образное выражение (метафора) «у каждого хирурга есть свое персональное кладбище» в данном контексте имеет смысл «у каждого хирурга были пациенты, которым хирург не смог помочь остаться в живых». Конечно, в практике врача Л. тоже были случаи, когда он не смог спасти пациента.

Однако далее автор сообщает о том, что «Так вот у Л. на этом кладбище могил – за горизонт». Данное предложение включает эллиптическую метафорическую конструкцию «могил – за горизонт», которая может быть восставлена до полной формы следующим образом: У Л. на этом кладбище «могилы уходят за горизонт». В данном контексте это метафорическое выражение имеет смысл «в очень большом количестве», то есть автор сообщает в образной (метафорической) форме о том, что в деятельности Л. было очень много случаев, когда его пациенты умерли, что смертность среди его пациентов значительно превышает смертность среди пациентов других врачей.

В соответствии с существующей практикой метафоричность высказывания не освобождает автора от ответственности за его содержание, а сама по себе образная форма не может служить признаком того, что соответствующая информация представлена в форме мнения, а не в виде утверждения о факте.

Литература

1. Баранов А.Н. Скрытое (имплицитное) утверждение в лингвистической экспертизе текста. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/baranov_a_n/1-1-0-55.
2. Будаев Э.В., Ворошилова М.Б., Руженцева Н.Б. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы. Екатеринбург, 2017.
3. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
4. Durant A. Allusions and other 'innuendo' meanings in libel actions: the value of semantic and pragmatic evidence. *Forensic Linguistics*. 1996. Vol 3, No 2.

References

1. Baranov, A.N. (2018). Skrytoe (implitsitnoe) utverzhdnie v lingvisticheskoy ekspertize teksta. Available from: http://konference.siberia-expert.com/publ/baranov_a_n/1-1-0-55 (in Russian).
2. Budaev, E.V., Voroshilova, M.B., Ruzhentseva, N.B. (2017). Evolyutsiya lingvisticheskoy ekspertizy: metody i priemy. Ekaterinburg (in Russian).
3. Federal'nyy zakon ot 31 maya 2001 g. (2001). 73-FZ "O gosudarstvennoy sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii" (in Russian).
4. Durant, A. (1996). Allusions and other 'innuendo' meanings in libel actions: the value of semantic and pragmatic evidence. *Forensic Linguistics*, 3(2), 195–210.

Citation:

Будаев Э.В., Ворошилова М.Б., Чудинов А.П. Анализ прецедентного высказывания в рамках судебной лингвистической экспертизы: зарубежный и российский опыт. // Юрислингвистика. – 2019. – 11. – С. 29-32.

Budaev, E.V., Voroshilova, M.B., Chudinov, A.P. (2019). The analysis of the precedent expression within forensic linguistic expertise: Russian and international experience. *Legal Linguistics*, 11, 29-32.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

История и современное состояние юрислингвистики в различных странах мира
УДК 81`23, ББК 81.2, ГСНТИ 16.21.27, КОД ВАК 10.02.19

Лингвистическая экспертиза в Германии

М. М. Мушчинина

Университет Фрайбург

Heinestraße 6, 66121 Saarbrücken, Германия, E-mail: info@mushchinina.com

В данной статье рассматривается лингвистическая экспертиза в судебной системе Германии. Несмотря на то, что эта сфера деятельности лингвистов существует в судебной практике Германии уже много десятилетий, роль лингвистов-экспертов в Германии ограничена лишь некоторыми традиционными областями. Эта ситуация обусловлена, в первую очередь, особыми принципами работы судов и высокой степенью структурирования источников информации, которыми судьи располагают для принятия решений, что дает им возможность во многих случаях не прибегать к помощи лингвиста. Немаловажную роль в формировании сферы деятельности лингвистов-экспертов играют и экономические факторы, в частности, система получения экспертных лицензий и гонораров. В статье приводятся примеры из двух комментариев к статье 185 Уголовного кодекса Германии (оскорбление) – источников, на которые суд может опираться при принятии решений.

Ключевые слова: судебная экспертиза, лингвистическая экспертиза, комментарии к законам.

History and Current State of the Forensic Linguistics in Different Countries

Linguistic expertise in Germany

Mushchinina M.M.

University of Freiburg

Heinestraße 6, 66121 Saarbrücken, Germany, E-mail: info@mushchinina.com

The article deals with linguistic expertise in the legal system of Germany. Despite the fact that this field of linguistic activity has existed in the judicial practice of Germany for a long time, the role of linguistic experts in Germany is limited to only some traditional areas. This situation is primarily due to the special court principles and the highly structured sources of legal information that judges use for making decisions. In many cases this enables them to analyse and evaluate linguistic issues without any help of a linguist. Furthermore, economic factors play an important role in laying out the scope of activity of linguistic experts. This concerns in particular expert licenses and expert fees. The article provides examples from two legal comments to Section 185 of the German Criminal Code (insult), which are typical sources on which the court may rely when making decisions.

Key words: forensic expertise, linguistic expertise, legal comments.

1. Юридическое регулирование деятельности судебных экспертов в Германии

Сфера деятельности судебных экспертов в Германии регулируется в области гражданского права §§ 402 – 414 Гражданско-процессуального кодекса (Zivilprozessordnung), в сфере уголовного права – §§ 72 – 93 Уголовно-процессуального кодекса (Strafprozessordnung). В частности, кодексы регулируют порядок назначения экспертов, их

права и обязанности, обязанности суда в ходе назначения экспертизы, функции экспертных заключений при рассмотрении дела, гонорар эксперта, а также некоторые частные случаи, в которых назначается экспертиза.

Хотя стороны могут заказать экспертизу независимо от решения суда, суд один принимает решение о рассмотрении экспертизы в качестве средства доказывания. Во многих случаях суд обязан привлечь эксперта, так как такова установившаяся судебная практика, но лишь в редких случаях это формально предусматривается – например, в вопросах помещения в психиатрическую лечебницу, согласно § 280 Закона о производстве по делам семьи и добровольной юрисдикции (*Gesetz über das Verfahren in Familiensachen und in den Angelegenheiten der freiwilligen Gerichtsbarkeit, FamFG*). Представители сторон, прокуратура или защитники могут подать прошение о привлечении эксперта, и суд должен его удовлетворить, если нет причин для отказа. Суд может отказать в проведении экспертизы, если ситуация очевидна и не требует дополнительного разбирательства, если положение дел уже доказано или же у суда уже есть заключение эксперта. Но может быть назначена и повторная экспертиза, если есть сомнения в компетентности эксперта или в надежности и адекватности его методов, а также в том случае, если другой эксперт располагает более надежными или эффективными методами исследования.

В том случае, если в споре сторона представит свою экспертизу, заказанную частному эксперту, то это экспертное заключение будет рассматриваться не как доказательство, а как квалифицированное заявление, которое суд обязан принять во внимание. Но если суд совершенно не согласен с мнением частного эксперта, то ему недостаточно просто проигнорировать его экспертное заключение. В подобной ситуации он, вероятнее всего, назначит еще одну экспертизу, уже со своей стороны. Если первые два заключения будут различными по существу, то будет назначена третья экспертиза. В остальном же суд не обязан назначать эксперта и сам решает, нужно ли ему для принятия решения экспертное заключение или нет.

Согласно статье 404 Гражданско-процессуального кодекса, для проведения экспертизы может быть приглашен каждый, кто обладает специальными знаниями в соответствующей области и профессионально занимающийся этой областью знания – будь то в научной сфере, в сфере искусства или производства. При наличии соответствующей квалификации выступать в роли эксперта является обязанностью каждого гражданина, однако никто не может быть принужден заниматься экспертной деятельностью в ущерб своим непосредственным трудовым обязанностям.

Суд свободен в выборе эксперта, однако он, как правило, отдает предпочтение сертифицированным экспертам (§ 73 абз. 2 Уголовно-процессуального кодекса; § 404 абз. 2 Гражданско-процессуального кодекса). При назначении эксперта суд обязан объяснить эксперту его обязанности. Однако это происходит не всегда, и далеко не все эксперты понимают, что входит в сферу их компетенции. Опытный эксперт при коммуникации с судом может установить рамки, в которых он будет действовать, и прежде всего обговорить, в какой мере он может ответить на заданные ему вопросы. При этом эксперт вправе указать на неверную постановку вопроса и договориться о другой формулировке. Основной проблемой при ответе на поставленный перед экспертом вопрос является установление границы между анализом положения дел и юридическим выводом из этого анализа. Хотя этот вывод может сделать только суд, опытные эксперты часто сами его предварительно формулируют.

2. Организация деятельности экспертов

Чтобы получить статус сертифицированного эксперта, нужно подать заявление в Торгово-промышленную палату (ср., например, *INK Frankfurt 2012*). Стоимость рассмотрения заявления – минимум 500 евро, однако в среднем расходы на получение статуса эксперта составляют от 1000 до 3000 евро. Срок действия лицензии – 5 лет, после чего можно подавать заявление на ее продление.

Гонорары за проведение экспертиз в Германии достаточно высоки. Они определены Законом о возмещении и компенсации в области юстиции (§ 9 Прилож. 1 абз. 1 данного закона). Для профессиональной деятельности экспертов это означает, что экспертизы особенно широко распространены в тех специальных областях, в которых суд не может принять решение, не прибегая к помощи эксперта. Очень часто решение о назначении экспертизы определяется обязанностью судьи следить за объемом судебных расходов. Поэтому судьи по возможности принимают решение без консультаций эксперта, полагаясь на свое образование и свой жизненный опыт [Steinke 1994: 16]. Так суд делает всегда, когда считает, что в состоянии самостоятельно принять компетентное решение или же получить необходимую для этого информацию. При этом суд полагается на собственную оценку своей компетентности и своих знаний.

В Германии дискуссии о жизненном опыте судьи как основе его компетентности при вынесении решений имеют давнюю историю. Этому вопросу посвящено много литературы, существуют также судебные решения о правомерности непривлечения эксперта и аргументации решения судьей лишь на основании собственного опыта. Однако в общем суды федеральных земель лишь в редчайших случаях усматривают в действиях судьи недостаточный или неверный жизненный опыт [Sommer 2002].

Как правило, экспертизы проводятся в свободной форме, не группой экспертов, а отдельными экспертами. Единых образцов для составления экспертиз или определенных формальностей при составлении экспертиз формально не существует. Однако примеры (нелингвистических) экспертиз можно найти как на страницах частных экспертов (см., например, [Kniffka 1990b]), так и в ходе курсов, проводимых Институтом экспертизы (*Institut für Sachverständigenwesen*), главное отделение которого находится в Кельне. Институт занимается разработкой и стандартизацией требований к назначению экспертиз и директив по проверке компетентности кандидатов в сертифицированные эксперты. При этом он оказывает поддержку организациям, заказывающим экспертизы (Палата архитекторов, Палата ремесленников, Торгово-промышленная палата и др.) [IfS 2017].

В Германии существуют также сообщества экспертов, которые являются представителями их интересов. Самое старое сообщество экспертов, созданное 25 лет назад и охватывающее все сферы экспертной деятельности – это „Bundesverband Deutscher Sachverständiger und Fachgutachter e.V.“ Другое крупное сообщество – Der Deutsche Gutachter und Sachverständigen Verband e.V. Сообщества предоставляют экспертам актуальную информацию о юридической основе их деятельности и являются платформой для расширения профессиональных контактов экспертов. Для потенциальных клиентов эти сообщества предлагают сервисные услуги по поиску эксперта в нужной специальной сфере и по месту жительства.

3. Лингвистическая экспертиза

В литературе, посвященной судебной лингвистике, в первую очередь уделяется внимание тем областям, которые в большей степени востребованы судами. Эти типичные сферы экспертной деятельности будут рассмотрены ниже. Экспертизы по оценке семантики и прагматики языковой коммуникации заказываются значительно реже [Kniffka 1990a; Kniffka 1981; Stetter 1990; Ritter 1990].

3.1. Типичные сферы деятельности лингвистов-экспертов

В большинстве случаев немецкие судьи считают себя достаточно компетентными в лингвистической области и ставят знак равенства между высоким уровнем владения родным языком и способностью оценить коммуникативную ситуацию как специалист-лингвист. Отчасти такая оценка судьями своей компетентности связана с традиционной в юридической сфере дискуссией о тесной связи языка и права, а также о сложности, которую представляет юридический язык для неюристов. И хотя в оценке языка повседневного общения юристы не обладают теми же исключительными знаниями, как в областях специального юридического знания, они распространяют сферу своей компетентности и на язык повседневного общения, с нежеланием допуская в сферу своей деятельности лингвистов. Юридическое образование в Германии в значительной мере сосредоточено на овладении методами поиска информации и принципами (юридической) логики. Высокая компетентность немецких судей в этих сферах является для них достаточным основанием для принятия самостоятельных решений и в сфере языка повседневного общения – например, при оценке прагматики языковых ситуаций.

В каких же случаях проводятся экспертизы в лингвистической области? Рассмотрим самые известные из сфер деятельности лингвистов-экспертов.

Чаще всего проводятся экспертизы для установления авторства. Именно эта сфера деятельности лингвистов-экспертов известна в юридических кругах, то есть среди служащих следственных комитетов, судей и адвокатов [Wirth 2013]. Часто судебная лингвистика отождествляется именно с этим видом экспертиз. Такие экспертизы могут касаться как анализа отдельного текста, так и установления совместного или различного от других текстов авторства ([Fobbe 2017]; подробно [Dern 2009]). В первом случае вопрос заключается в установлении каких-либо социальных особенностей автора (происхождение, социальный статус, образование, возраст и проч.). Во втором случае проводится сравнительный анализ нескольких текстов. В обоих случаях анализ текстов проводится с учетом типичных особенностей типа текста, который является предметом исследования. Например, для писем с целью шантажа типичны отсутствие заключения, коллективное обращение, а также определенные – известные эксперту – сокращения [Fobbe, 2017]. Критерии исследования по установлению авторства, так же как и принципы и возможности анализа стиля текста, известны не только в Германии, но и любой другой стране. В немецкой научной литературе можно найти критические замечания, касающиеся качественной стороны методов анализа стиля и установления авторства. В частности, указывается на ненадежность этих методов, их зависимость от имеющегося объема текстов, который должен быть представлен определенным минимумом, а также на зависимость методов анализа от качеств анализируемого текста. Так, качественный анализ зачастую определяется индивидуальными особенностями текста, что создает замкнутый круг: критерии качественного анализа текста устанавливаются в зависимости от индивидуальных особенностей текста, и эти же особенности исследуются по установленным на их основе критериям [Ammer et al. 2013; Fobbe 2017].

В последнее время все более широкое распространение получают экспертизы, устанавливающие происхождения лица. Эта сфера деятельности судебных экспертов значительно расширилась в связи с миграционной политикой последних лет. Как в судебной, так и в административной области она опирается на систему LADO (Language Analysis for the Determination of Origin), применяющуюся с 1990-х годов. Лингвисты устанавливают происхождение не только в контексте судебного разбирательства. Они оказывают поддержку миграционным службам в тех случаях, когда беженец подает заявку на предоставление ему права находиться на территории Германии и при этом не может (или по какой-либо причине не хочет) указать страну своего происхождения. Методы проведения экспертиз по установлению происхождения часто являются объектом обсуждения и критики. Например, в литературе указывается на тот факт, что при определении происхождения в недостаточной степени учитывается возможность мультикультурной и мультиязычной среды, что усложняет анализ. Кроме того, для аргументированного заключения о происхождении лица необходима подготовленная сравнительная база о предполагаемой стране или регионе происхождения [Fobbe 2017]. Однако такие сравнительные базы существуют далеко не для всех регионов.

В связи с тем, что спектр языков, на которых говорят мигранты, очень широк и для многих языков и диалектов не существует соответствующих лингвистических экспертов, зачастую экспертизы для этих языков производятся не лингвистами-экспертами, а переводчиками или даже другими носителями языка, не имеющими специального лингвистического образования [Ammer et al. 2013]. Особенно это касается языков и диалектов беженцев из Африки.

К сфере деятельности немецких лингвистов-экспертов относятся и все другие известные виды экспертиз, как то: экспертизы по установлению оригинальности коммерческих обозначений и по исследованию степени смешения противопоставленных обозначений [Parádi 2005], фоноскопические, почерковедческие и другие экспертизы [Grewendorf 1992].

3.2. Юристы в качестве экспертов

В общей сложности лингвистические экспертизы в Германии производятся достаточно редко. В большинстве случаев они заказываются сторонами заранее частным образом – частными лицами, юридическими конторами или фирмами, которые хотят установить, имеет ли смысл подавать иск. Впоследствии эти экспертизы остаются в материалах дела. В судах не ведется отдельной картотеки по экспертизам, поэтому ту или иную экспертизу можно найти только в том случае, если знать, для какого процесса было составлено экспертное заключение.

Что касается экспертных заключений о конкретных формулировках и языковой прагматике, то, как уже было сказано выше, в этом случае действует принцип приоритетной оценки языковых ситуаций судом. При этом судьи опираются на уже имеющуюся судебную практику и выносят решение в соответствии с ней. Основным источником информации при этом судьям служат комментарии. Чтобы продемонстрировать, на какую информацию опираются судьи и как они на основании собственного языкового опыта и комментариев приходят к оценке языковой ситуации, приведу пример принципов классификации языковой ситуации как «оскорбление» на основании юридического комментария. В частности, речь пойдет о языковых действиях, подпадающих под § 185 Уголовного кодекса Германии – оскорбление чести и достоинства. Мера наказания за оскорбление – до года лишения свободы или денежный штраф, при оскорблении с нападением – до двух лет или денежный штраф. В качестве примера я продемонстрирую два комментария по вопросу об оскорблении: комментарий по уголовному праву под редакцией Бернда фон Хайнчеля-Хайнегга (автор раздела Бриан Валериус, в дальнейшем Heintschel-Heinegg, 2018) и Мюнхенский комментарий (авторы раздела Кристиан Пегель и Юрген Регге, в дальнейшем MüKo, 2017).

3.3. Отражение судебной практики по делам об оскорблении в комментариях

Heintschel-Heinegg (2018) и MüKo (2017) предоставляют типичный обзор необходимых сведений о понятиях оскорбления чести и достоинства, субъектах этого понятия, о систематике преступлений, квалифицируемых как оскорбление и о содержании речевого и коммуникативного действия, которое может подпадать под § 185 [Heintschel-Heinegg 2018; MüKo 2017]. В частности, оскорблению могут подвергаться как физические лица, так и группы лиц, если они выполняют определенную признанную, общественную или экономическую задачу, или несут в себе социальную функцию и могут представлять общее мнение или волю. Это условие выполняется, например, для юридиче [ких лиц, корпораций, обществ и ассоциаций, если они объединены собирательным названием, политических партий, фракций и т. д. В последнем случае речь идет о коллективном оскорблении [Heintschel-Heinegg 2018]. Как оскорбление могут быть квалифицированы, например, высказывания, направленные против «немецких врачей», антитеррористических отрядов полиции, «всех находящихся на службе солдат», «духовных лиц христианских религий», «немецких евреев». По этому принципу как оскорбление конкретного солдата будет квалифицировано высказывание, что «все немецкие солдаты убийцы». То же касается этнических, расовых или физических признаков. Впрочем, судьи скорее склоняются к тому, чтобы по возможности редко прибегать к квалификации ситуации как коллективного оскорбления. В частности, не расцениваются как коллективное оскорбление высказывания, направленные против всех полицейских вообще, женщин, людей с высшим образованием, католиков, протестантов и др.

Комментарии подробно раскрывают возможную внешнюю (языковую) форму оскорбления. Так, оскорбление не обязательно должно происходить в неприличной форме, но оно должно затрагивать по существу честь и достоинство лица. В комментариях рассматривается понятие чести и разных его аспектов: фактическое и нормативное понятие чести (личная, социальная, межперсональная, функциональная). Оскорбление в комментарии ограничивается от бестактности и невежливого обращения и иллюстрируется примерами [Heintschel-Heinegg 2018].

Комментарии объясняют, что должен учитывать суд при трактовке высказывания как оскорбления. В частности, не существует высказываний, которые могут независимо от контекста трактоваться как оскорбление. Суд должен учитывать контекст и обстоятельства высказывания (тон, культурные, региональные, социальные особенности, средство коммуникации). Таким образом, при определенных обстоятельствах и косвенный намек может быть признан оскорблением. При конкретных обстоятельствах оскорблением может быть признано обращение на «ты», в другой же ситуации оно будет расценено как невежливое обращение. Учитывается и так называемый «общий горизонт реципиента» – понимание ситуации «средним» реципиентом, – и не учитывается понимание высказывания сторонами судебного разбирательства [Heintschel-Heinegg 2018].

Приведу пару примеров тех случаев, которые были квалифицированы судом как оскорбление: «младофашист» в контексте национал-социалистической идеологии, а также утверждение о том, что кто-либо «все еще нацист», «палачи» (по отношению к солдату), «Bulle» (обращение к полицейскому), запрет заходить в ресторан без явной причины, «террористическое решение» (о судебном решении), обозначение отрядов спецназа «группой киллеров», обвинение «в поддержке террористов», объявление в региональной газете типа «крошка Микаэла, с удовольствием тебя побалует» с указанием точного адреса и номера телефона [Heintschel-Heinegg 2018; MüKo 2017; Damm & Rehbock 2008].

Высказывание не было признано оскорблением, например, в следующих случаях: «дед», «старик» (обращение к пожилому человеку), «главный лесничий» (обращение к сотруднику дорожной полиции), вульгарные выражения, присутствующие в некоторых диалектах [Heintschel-Heinegg 2018].

Не были классифицированы как оскорбления метафорические наименования, такие как: «синдикат живодеров» или «сборище плутов» (как обозначение участников экономических преступлений), «левый радикал» или «коммуняка» (кандидат на официальный пост) [Damm & Rehbock 2008].

Наряду с этим Федеральный конституционный суд отменил многие решения о классификации высказываний как оскорблений в тех случаях, когда он счел, что сказанное подпадает под действие права на свободу мнения (ст. 5 абз. 1 Основного закона) и классифицируется как оценочное суждение. Таким образом, полемические формулировки рассматриваются и в рамках конституции (Основного закона), а не только уголовного права [Damm & Rehbock 2008].

Также статья об оскорблении не применяется и в тех случаях, когда характеристика лица преподносится в какой-либо художественной форме, независимо от степени художественной ценности [MüKo 2017]. В частности, в 2016 году президент Турции Эрдоган обратился в суд Германии с иском против немецкого журналиста и телеведущего Яна Бемермана, прочитавшего по второму государственному каналу немецкого телевидения стихотворение про президента Эрдогана, в котором последнему приписываются всевозможные пороки, в основном сексуального характера – например, использование детской порнографии и содомия. При судебном разбирательстве вопрос заключался в том, является ли данное стихотворение оскорблением или же оно допустимо как художественная сатира. Как сатирическое высказывание мнения стихотворение было бы правомерно по ст. 5 абз. 1 Основного закона (Grundgesetz), как художественная сатира оно тоже было бы правомерно по ст. 5 абз. 3 Основного закона. В то же время, оно могло противоречить статье 1 Основного закона, которая гласит, что достоинство человека неприкосновенно. Телевизионный канал заказал экспертизу, но не лингвисту-эксперту, а адвокатской конторе, которая пришла к выводу, что проанализированные «речевые пассажи, включая «оскорбительное стихотворение» в правовом отношении допустимы и не могут подвергаться уголовному наказанию». В конце концов, по статье 185 – оскорбление – дело было закрыто. Суд признал стихотворение сатирой по ст. 5 абз. 3 Основного закона, однако запретил большую часть его в связи с «расистским уклоном», «религиозными оскорблениями» и «намекami сексуального характера». В ответ на это обе стороны подали апелляцию – соответственно с целью полного разрешения стихотворения или полного его запрещения. В обоих случаях апелляция не имела успеха.

Заключение

Цель данной статьи заключалась в том, чтобы продемонстрировать, что практика лингвистической экспертизы в Германии в значительной мере определяется структурой и возможностями судебной системы. Как было показано на примере двух комментариев к Уголовному кодексу Германии, при принятии решений судьи, исходя из предоставляемой комментариями информации и опираясь на судебную практику и свой жизненный опыт, устанавливают, насколько им необходима экспертиза лингвиста-эксперта. В случаях, касающихся оценки семантики и прагматики языковой ситуации, судьи, как правило, считают себя достаточно компетентными для принятия решения о том, является ли языковое действие допустимым или нет, по какой юридической норме оно может быть квалифицировано и подлежит ли оно наказанию. Поэтому такие лингвистические экспертизы в Германии достаточно редки. Лингвистическая экспертиза проводится лишь в тех случаях, когда суду необходима информация, которую он не может получить, опираясь на комментарии и свой языковой опыт. В значительной степени деятельность экспертов определяется и судебными расходами, за величиной которых судьи обязаны следить.

References

1. Ammer, M., Busch, B., Dorn, N., Rienzner, M., Santner-Wolfartsberger, A., Schicho, W., Seidlhofer, B., Spitzl, K. (2013). Ein umstrittenes Beweismittel: Sprachanalyse als Instrument der Herkunftsbestimmung im Asylverfahren. *Juridikum*, 3 (in German).
2. Damm, R., Rehbock, K. (2008). *Widerruf, Unterlassung und Schadensersatz in den Medien*. München (in German)
3. Dern, Ch. (2009). *Autorenerkennung: Theorie und Praxis der linguistischen Tatschreibenanalyse*. Stuttgart (in German)
4. Fobbe, E. (2017). *Forensische Linguistik*. In: Felder, Ekkehard; Vogel, F. (Ed.). *Handbuch Sprache im Recht*. Berlin (in German)
5. Grewendorf, G. (1992). *Rechtskultur als Sprachkultur. Der sprachanalytische Sachverstand im Recht. Rechtskultur als Sprachkultur. Zur forensischen Funktion der Sprachanalyse*. Frankfurt a. M. (in German)
6. Heintschel-Heinegg, von B. (2018). *Strafgesetzbuch*. 37 Edition, München (in German)
7. Kniffka, H. (1981). *Der Linguist als Gutachter bei Gericht*. In: Peuser, G., Winter, S. (Eds.). *Angewandte Sprachwissenschaft: Grundfragen, Berichte, Methoden*. Festschrift für Günter Kandler. Bonn (in German)
8. Kniffka, H. (1990a). *Einleitung: Forensische Linguistik*. In: Kniffka, H. (Ed.). *Texte zu Theorie und Praxis forensischer Linguistik*. Tübingen (in German)
9. Kniffka, H. (1990b). *Alles ist Tatfrage des Einzelfalls – Oder: Herr X. bzw. seine Konkubine*. In: Kniffka, H. (Ed.). *Texte zu Theorie und Praxis forensischer Linguistik*. Tübingen (in German)
10. MüKo StGB. (2017). *Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch*. München: C.H. Beck (in German)
11. Parádi, Zs. (2005). *Zum Verwechseln unähnlich. Ein sprachwissenschaftlicher Beitrag zur Argumentation in Markenrechtsurteilen*. In: Lerch, K. D. (Ed.). *Recht verhandeln. Argumentieren, Begründen und Entscheiden im Diskurs des Rechts*. Berlin, New York (in German)
12. Ritter, Ch. (1990). *Sprachexpertisen im Zivilprozess*. In: Kniffka, H. (Ed.). *Texte zu Theorie und Praxis forensischer Linguistik*. Tübingen (in German)

13. Sommer, Ulr. (2002). Lebenserfahrung – Gedanken über ein Kriterium richterlicher Beweiswürdigung. In: Hanack, E.-W. et al. (Ed.). Festschrift für Peter Riess zum 70. Geburtstag am 4. Juni 2002. Berlin, New York (in German)
14. Steinke, W. (1994). Der Beweiswert forensischer Gutachten. NStZ (in German)
15. Stetter, Ch. (1990). Zum juristischen Gebrauch linguistischer Kategorien. In: Kniffka, H. (Ed.). Texte zu Theorie und Praxis forensischer Linguistik. Tübingen (in German)
16. Wirth, I. (2013). Kriminalistik-Lexikon. München (in German)
17. IHK Frankfurt. (2012). IHK Frankfurt. Sachverständigenordnung. Vorschriften der Industrie- und Handelskammer Frankfurt am Main über die öffentliche Bestellung und Vereidigung von Sachverständigen vom 27.06.2012, gemäß §36 Gewerbeordnung. Available from: https://www.frankfurt-main.ihk.de/imperia/md/content/pdf/recht/sachverst_ ndigenordnung.pdf/ (in German)
18. IfS. (2017). Institut für Sachverständigenwesen e. V. Empfehlungen zur Erstellung eines Gutachtens vom 4/2017. Available from: https://www.ifsforum.de/fileadmin/user_upload/Merkblatt_Gutachtenaufbau2017.pdf (in German).

Citation:

Мушчинина М.М. Лингвистическая экспертиза в Германии. // Юрислингвистика. – 2019. – 11. – С. 33-38.

Mushchinina, M.M. (2019). Linguistic expertise in Germany. Legal Linguistics, 11, 33–38.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 28.03.2019 г.

Дата публикации издания 01.04.2019 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2018